

Золотое Дъло

Жизненные совпадения - это скрытые рифмы
в программном коде вселенной.
(aforizm.ru)

Коммерческое предприятие “Золотое Дъло”, Давид Пандир основал, когда был ещё достаточно молодым человеком, в самом начале двадцатого века. Он обладал цепкой памятью, богатым, ярким воображением, чрезвычайно высокой работоспособностью и удивительным даром подмечать и понимать прекрасное. Мечта о славе и признании таланта, подстёгивала его к полной самоотдаче. Поиск новых форм и нетрадиционных решений, создание собственного, узнаваемого стиля, возбуждал творческие фантазии. Много времени уходило на утончённые детали украшений, которым ювелир придавал особое значения, доводя их до совершенства. Он сутками пропадал в мастерской примыкавшей к маленькому магазину, много и напряжённо работал, молодую жену и новорожденного сына видел только по субботам и праздникам. Необыкновенной красоты изделия, выполненные молодым мастером в духе слияния восточной изысканности и европейского шарма, не могли остаться незамеченными. Со временем ими заинтересовались не только обычные покупатели, но и квалифицированные эксперты. По мнению опытных специалистов талантливое ювелира ожидало большое будущее. Их прогнозы вскоре оправдались. В день открытия международной ювелирной выставки-биржи в Амстердаме, были выкуплены все представленные Пандиром изделия. После такого триумфа его работы стали появляться в модных магазинах и популярных салонах. Успех **воодушевил творческий подъём**, вскоре ювелирные украшения от “Золотого Дъла” стали пользоваться безупречным реноме, самые достойные попадали на модные аукционы и глянцевого страницы роскошных каталогов европейских торговых домов. Сам же Давид Пандир, удостоился репутации незаурядного мастера, сочетающего в своих произведениях прогрессивные эстетические принципы и аристократическую харизму.

Повышенный интерес к изделиям Пандира в Российской Империи и за границей, привёл к тому, что предприятие пришлось расширять, магазин “Золотое Дъло” появился в Санкт Петербурге на Большой Морской и в Одесском “Пассаже” братьев Менделевичей, на углу Дерибасовской и Преображенской. Коммерческие заказы поступали из престижных европейских и американских домов, в мастерской к тому времени, работали семь ювелиров и четыре ученика, самым младшим и способным был сын Давида, Михаил.

Но в жизнь вмешалась Революция, к власти пришли большевики. Людям больше не нужны были украшения, в моду быстро вошли морские бушлаты, перетянутые накрест пулемётными лентами и кумачовые лозунги, призывающие грабить награбленное и экспроприировать экспроприаторов. Магазины Давида Пандира были разбиты и разграблены, работу предприятия свернули. Друзья предлагали ювелиру переехать в Америку, но он не мог оставить больных престарелых родителей, а длительный океанский вояж, они могли не перенести. Революционные преобразования они, кстати тоже не перенесли, умерли один за другим, как только двери местной синагоги,

заколотили деревянными щитами, а раввина Зимберга расстреляли пьяные красногвардейцы, когда тот пытался вынести из здания, завёрнутую в таллес Тору. Священные свитки потом спас его сын, а вот книги спасти не удалось, солдаты свалили их в кучу, облили керосином и подожгли. В тот-же день сожгли все книги и рукописи из читальни костёла. А когда стемнело, под дружный хохот невесть откуда взявшихся революционных матросов, на Ратушной площади, освещаемой отблесками гигантского костра, бывший рабочий кирпичного завода, а ныне председатель партийной ячейки Роман Пацюк, окончательно и бесповоротно отменил царя и Бога. Тут-же вербовали записываться в большевики, веру предлагали заменить на пролетарскую совесть и классовое сознание.

Первые годы Советской Власти, страна ничего, кроме декретов, лозунгов и транспарантов, не производила. Национализированное народное хозяйство и промышленность, медленно приходили в упадок. Отобранные у капиталистов заводы и фабрики стояли, полученная крестьянами земля не плодоносила. Пытаясь спасти положение, власти сменили политику военного коммунизма, НЭПом! Частные предприниматели бросились в наркомат внутренней торговли, регистрировать потребительские и промысловые товарищества. Вскоре в стране появились коммерческие рестораны и торговые кооперативы. Артель “Золотое Дьло. Давид Пандир и сын”, появилась сразу после денежной реформы. Трудились в артели всего два человека- Давид и его уже взрослый сын Михаил. Кроме того, докучая вопросами, под ногами крутился внук ювелира, пытливый и сообразительный Захарка. Пять лет, пока большевики не свернули экономические реформы, артельщиков никто, кроме редких гастролёров-налётчиков, не тревожил. К слову, в свете реформ, синагогу опять открыли, хотя и заштукатурили Звезду Давида, красовавшуюся над входной дверью. В 30х годах, неожиданно вспомнив о “революционной бдительности”, гайки поджали, кооператоров стали клеймить в прессе и по радио, постепенно сворачивались временные свободы. Несколько успешных коммерсантов посадили, дюжину лишили гражданства и выслали за границу. Но на “Золотое Дьло” смотрели сквозь пальцы и артель продолжала работать.

С раннего детства, Захар постигал азы семейного дела. Артельщики в основном изготавливали на заказ золотые обручальные кольца, реставрировали украшения- серьги, цепочки с кулонами да брошки, иногда ремонтировали настенные ходики с шишками и кукушками, будильники, реже ручные и карманные часы. Именно часы, больше всего привлекали маленького Захара. Его завораживали затейливые хитросплетение шестерёнок, движение всевозможных пружинок, скачки капризных маятников, фантастический блеск полированных частей механизма, волшебный танец стрелок. Мальчик был уверен, что они живые, поскольку отец, а именно он всегда занимался часами, разговаривал с ними, как с одушевлёнными существами. Быстро справившись со школьными уроками, Захар оставшееся время дня, просиживал возле отца, внимательно вглядываясь в мудрёные манипуляции с крошечными инструментами.

- У швейцарцев есть один страх, - терпеливо поучал его отец, - они боятся влаги, поэтому...

Отец мастерил специальные прокладки из прорезиненных ниток и взамен износившихся, аккуратно вставлял их в паз между корпусом и крышкой. Он был настоящим знатоком наручных часов и мастером своего дела. Однажды, Захар был свидетелем разговора, между отцом и заместителем начальника местной милиции Василием Цыбуленко, который уже не в первый раз, приносил в ремонт свои наградные, карманные часы:

- Послушайте, Буцыленко, умолял его отец, открывая воронённую “луковицу”, ради Бога, перестаньте заводить их до упора!

На внутренней, защитной крышке механизма, была пробита марка часов “Павелъ Буре, Поставщикъ Высочайшаго Двора”

- Во-первых Цыбуленко, а во-вторых, - милиционер набрал полные лёгкие воздуха, его глаза округлились и стали похожи на два циферблата, усы напряглись и замерли как стрелки, на без десяти два, - во-вторых Бог, есть пережиток, и я не дозволю...

- Не надо шуметь, уважаемый... Ведь я вам уже рекомендовал заводить часы не больше пятнадцати оборотов, - мягко продолжал отец, не обращая внимание на реплику, - поймите, что при достижении усилия больше полного завода пружины, фрикцион начинает проскальзывать по внутренней стенке барабана. Теперь посмотрите вот здесь, у вас же сплошной износ пружины. А вы крутите заводную головку, будто это уши уличных босяков...

Мастер с укором посмотрел на чекиста, тот виновато опустил глаза и усы, затем тихим голосом спросил:

- Возьмётесь, Михайло Давыдович? Меня же ими сам Котовский наградил! Григорий Иванович, рассказывали, что котлы у буржуя царских кровей, ещё в Крыму экспроприировали...

На тяжёлой крышке карманных часов, Захар успел прочесть глубокую гравировку: “За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Красный командир Г.И.Котовский! 1924 г.”

- Всем по “маузеру”, а мне вот котлы... - разочарованно добавил товарищ Цыбуленко.

Когда попадался сложный ремонт, к нему подключался дедушка Давид. Он ворчал, жаловался на зрение и радикулит, потом завязывал на затылке в узел длинные, светлые, едва тронутые сединой волосы и в конце-концов приспособливался у стола. Затем он приставлял часы задней крышкой к уху и долго слушал, после чего внимательно изучал механизм в увеличительный глазок, иногда что-то записывал или чертил какие-то схемки. Дед брюзжал, что лишние детали снижают надёжность, затем всегда советовался с сыном и через день-два часы уже весело тикали на полке, в ожидании своего хозяина. А дедушка прислушиваясь к равномерному ходу механизма, едва заметно кивая головой в такт хода стрелок и пряча улыбку в бороду, говорил:

- Если один умный человек, что то сконструировал, другой умный человек, всегда сможет это переконструировать!

Бывало дед, на индивидуальный заказ или для близких друзей, делал редкой красоты браслеты и ожерелья. Своеобразной чеканки и полировки золото, блестело будто было усыпано сотнями крошечных алмазных осколков. В частности он собенно гордился парой обручальных колец, которые изготовил для глазного хирурга профессора Кальфы и его невесты, приехавших к деду в

артель из самой Одессы. Они сняли два люкса в гостинице “Рояль” и жили там неделю, пока ювелир не закончил работу. В пятницу вечером, что-бы поглазеть на знаменитого хирурга и его красавицу невесту, у синагоги собрался весь город. Получив кольца, Кальфа с невестой счастливо отбыли обратно в Одессу, а извозчики ещё долго болтали, что профессор отвалил Давиду за кольца, пять с половиной косарей.

Одним из любимых занятия Захара, было листать старый дедушкин альбом. Мальчик был очарован рисунками, каждая следующая страница открывала для него новый мир. Здесь были затейливые узоры и причудливые надписи странными буквами, фрагменты домов и эскизы целых зданий, экзотические фрукты и необыкновенная одежда, старинное оружие и диковинная посуда. Отдельная часть альбома была посвящена хитроумным формулам и записям. Иногда дед садился рядом с внуком, тогда каждый рисунок или иллюстрация превращались в захватывающую историю.

Днём в лавку приходила мама. Она приносила обед- обязательно горячий куриный суп или бульон, компот- летом из ягод, зимой из сухофруктов, домашнее ванильное печенье. Обедали прямо в лавке, дед упрямо твердил, что для хорошей репутации фирмы, хозяин неизменно должен находится в мастерской. Если во время обеда, в лавку заходили посетители, их всегда приглашали к столу. Однажды в “Золотое Дьло” зашёл управляющий обувной фабрики “Большевичка”, розовый, как окорок, товарищ Опанасенко. Он был одет в застиранную косоворотку, расшитую замысловатыми узорами и кепку- восьмиклину, чудом державшуюся на его выбритом до блеска затылке. От него тёрпко пахло резиновым клеем и английской ваксой. На ладони управляющего, лежали два золотых, обручальных кольца, он любовался ими и цокая языком приговаривал:

- Отличная работа, товарищ Пандир, - обратился он к деду, - вот теперь моя Любана будет довольна... Блестят красиво и похожи друг с дужкой, как две капли горилки! Ну да...

Опанасенко рассчитался с дедом за работу, но почему-то не уходил, переминался с ноги на ногу у двери.

- Может хотите перекусить? - спросила его мама, которая в это время уже собирала со стола посуду.

- Спасибо хозяйка, печенье уж больно аппетитно пахнет.

Мама налила ему кружку компота, положила на тарелочку несколько печений.

- Угощайтесь пожалуйста!

Опанасенко быстро съел печенье, собрал пальцами крошки с тарелки и одним глотком махнул компот, а потом вытерев рукавом губы, неожиданно спросил у мамы:

- Ну вот вы евреи... Откуда вы взялись? - в лавке повисла тишина, - хм, вот например турки из Турции, китайцы из Китая, мы украинцы з Украины, разумеете?

- Тогда мы из Торы! - сказала мама и печально улыбнулась. Опанасенко задумался на минуту, силясь понять ответ, затем многозначительно произнёс:

- Ну да... Я было подумал из города Кишинёва, - и добавил, почесав ногтями блестящий затылок, - а обратно, у вашу Тору, не тянет вернуться?

- Наверное тянет...

В конце рабочего дня, дед собирал со столов все инструменты, протирал их специальной бархатной тряпочкой, иногда смазывал машинным маслом и складывал в большой ящик, светлого, некогда полированного дерева. Ящик состоял из нескольких съёмных ярусов, где для каждого инструмента имелась своя ложбинка. Инструменты были предметом любви и гордости дедушки. Иногда ему просто нравилось держать их в руках, в такие минуты его взгляд замерев, упирался в видимую только им одним точку, в седой бороде блуждала добродушная улыбка. Казалось он вспоминает что-то дорогое и очень приятное...

Ювелирная лавка примыкала к дому, где жила вся семья. По пятницам, после обеда, Захара отправляли в пекарню Гройса за халой, дед и папа приходили домой по-раньше, переодевались в субботние сюртуки и шли в синагогу. За ними шагал Захар, держа за руку маму. Домой возвращались поздно, мама зажигала свечи, дед ломал халу, отец разливал вино, все неспешно ужинали. Потом дед рассказывал, как в 1898 году, со старшим братом Яковом, они путешествовали в Палестину, как добрались до Турции пароходом, затем брели пешком, как настоящие дервиши, через Сирийское Королевство, как полумёртвыми их нашли в пустыне бедуины, как в самом конце их длинного путешествия, они всё-таки узнали... У Захара никак не получалось дослушать историю до конца. Под монотонный голос деда его веки тяжелели и он засыпал, положив голову на колени матери.

В первую же бомбёжку погибли родители и дедушка. Немецкая авиабомба угодила в дом, когда Захар сломя голову нёсся из пекарни, прижимая к груди тёплую халу. После бомбёжки, уютный зелёный городок, превратился в руины. Со стороны почти полностью разрушенного костёла, разносился мрачный колокольный звон. В воздухе лениво парили крупные хлопья седого пепла. Из разбитой колонки под напором текла вода, собираясь в ручей, она смывала с брусчатки обгорелые головешки и несла их вдоль тротуара. Между развалинами бродили подавленные горем и страхом люди, Захар сидел на грудке камней, что осталась от дома и мастерской. На его потемневшем от копоти лице, блестели крупные слёзы. Он медленно встал, прошёл между дымящимися досками к чудом уцелевшему обеденному столу и положил на него остывшую халу. Потом он будто в забытьи кружил вокруг того, что раньше было его домом. На пепелище тлела искорёженная вывеска- всё что осталось от артели. От высокой температуры жестяные буквы деформировались, а краска с них и вовсе слезла.

Ноги сами по себе вывели его к синагоге, где толпилось к удивлению много народа. Люди жались к этому вросшему стенами в землю ветхому зданию, будто оно могло защитить их от неизвестного будущего. После бомбёжки осыпалась штукатурка, из под неё гордо сверкала остатками позолоты, замурованная по указанию Пацюка, Звезда Давида. Земля вокруг была усыпана осколками стекла в которых беспечно резвились солнечные лучики. У самой двери на верхней ступеньке, в мятом отцовском таллесе, сгорбившись стоял сын раввина Зимберга, тот самый, что когда-то спас Тору. Вполголоса, едва шевеля обветренными губами, он пел “Ерушалаим спаси своих детей”. Потом он толковал людям, что в Талмуде сказано, как щит в

форме шестиугольной звезды, которым владел Царь Давид, множество раз спасал от врагов, да-спасёт он и его детей, амен...

Солнце медленно пряталось за стенами синагоги, что бы на другой стороне земли взойти над Иерусалимскими Холмами. К концу дня толпа вытолкнула Захара на перрон разрушенного вокзала, где шла посадка на поезд. Состав был забит до предела, даже на крыше сидели люди с мешками и баулами. Мальчик стоял и равнодушно смотрел, как десяток мужчин расталкивая локтями друга, пытаются влезть в переполненный вагон. Вдруг прямо напротив него остановился огромный милиционер:

- Захарка, це ты? - нагнулся к нему Цыбуленко.

- Я, дядя Василь!

- А где папа, где дедушка? - Захар опустил голову.

Цыбуленко положил ему на плечо свою здоровенную ладонь, задумался на несколько секунд и решительно сказал:

- Иди за мной хлопчик, только быстро!

Они пошли вдоль эшелона и остановились у санитарного вагона, выкрашенного в белый цвет. Милиционер подсадил Захара, а следом за ним и сам, уверенно влез вовнутрь. Через пыльные окна, в вагон едва пробивались, солнечные лучи. Внутри пахло медикаментами, все полки были заняты ранеными. Рядом с одной из них, молоденькая медсестра, поила солдата водой из битой, эмалированной кружки. Захар подошёл к ней:

- Давайте я вам помогу... - медсестра улыбнулась и передала ему кружку.

- Бидон в тамбуре, напои пожалуйста Корякина с 4Н и Самохвалова с 11В.

Оставив Захара с солдатами, Цыбуленко подошёл к доктору. Они тихо говорили, изредка поглядывая на Захара, затем крепко пожали друг-другу руки. В это время раздался протяжный, жалобный гудок и состав резко тронулся. Милиционер встретился глазами с Захаром, улыбнулся, махнул рукой и ловко соскочил на перрон...

За окном лесистые, зелёные холмы постепенно сменялись степными равнинами. Захар брался за любую порученную ему работу, он помогал ухаживать за ранеными, разносил еду, выносил мусор, прибирался в вагоне. Вечером, когда у него бывало свободное время, Захар садился у окна, пил жидкий чай и не моргая смотрел, как за окном мелькает пустая земля.

Рядом сидел дедушка Давид:

- Захарка, не сутулься, - его почти невесомая рука, лежала на плече мальчика, тёплый голос согревал самую душу. Дедушка продолжал ту-самую историю,

- ... и хотя Яков был почти на семь лет старше меня, я оказался крепче и выносливей. Капитан судна объявил, что до Константинополя оставалось меньше дня пути. Все пассажиры уже здорово устали от качки, Яков-же вовсе не выходил из каюты. Он уже три дня почти ничего не ел и сильно ослаб. Но вскоре волны улеглись, ветер утих, брату стало легче, и я помог ему подняться на палубу. От свежего воздуха у него закружилась голова, но он быстро пришёл в себя. Судно под турецким флагом и ласковым названием "Анатолия" медленно двигалось через Босфор, вода пролива поражала своей изумительной синевой. Незнакомый пейзаж удивлял взгляд, нагромождения белых строений с маленькими окошками и голубыми крышами напоминали цветные картинки из

детских, сказочных книг, в куполах мечетей с полумесяцем на шпиле, отражалось низкое восточное солнце. Время от времени, ветер доносил до нас обрывки тягучих, магометанских молитв...

Набережная была усеяна битыми ракушками, перламутровой рыбьей чешуёй, пустыми крабовыми клешнями и панцирями, между которыми сытой походкой, деловито разгуливали крупные чайки. Сойдя на берег, мы попробовали необыкновенно ароматный и вкусный напиток, назывался он кофе по-стамбульски. Его запах привлёк нас, ещё до того, как судно причалило боком к облезлому, деревянному настилу пристани. Варил кофе усатый, толстый турок в красной феске с чёрной, перевитой золотой нитью шелковой кисточкой. Он по-хозяйски радушно улыбался, неустанно передвигая медную джезву, по раскалённому огнём песку. Рядом стоял смуглый, босоногий мальчик, на его бритом затылке, чудом держалась точно такая-же красная феска. Мальчик монотонно размахивал веером, отгоняя от хозяина назойливых мух. Позже оказалось, что за две чашечки кофе, предприимчивый турок слупил с нас цену, равную недельной стоимости комнаты в центре Константинополя...

Через несколько дней Захар уже знал весь персонал и всех больных санитарного вагона. К концу пути главврач Морозевич, предложил ему жить и работать при госпитале. Конечной станцией был Ташкент. “Каменный Город” дышал влажной, липкой жарой. С минарета при мечети “Имом Бухори” плыл тягучий призыв к утренней, ритуальной молитве. Вокзал был забит беженцами, на перроне круглые сутки дежурил военный патруль. Санитарный вагон отцепили от состава и отвели на запасные пути, вечером раненных на грузовиках перевезли в госпиталь. Захара поселили на первом этаже, в тесной комнате без окон, рядом находились хозяйственные помещения- прачечная, столовая, аптека. По утрам он ходил в крохотную местную школу, неподалёку от госпиталя, классы были переполненные эвакуированными детьми, а вот педагогов наоборот было слишком много. В школе даже преподавались биология, геология и астрономия, учителями работали эвакуированные в тыл кандидаты и доктора наук. После уроков Захар спешил в госпиталь, он много работал- убирал в палатах, помогал на кухне и в прачечной, разносил по этажам еду и лекарства, менял постельное бельё, иногда его оставляли дежурить у кровати тяжелораненых или послеоперационных пациентов.

Как-то раз, его разбудили ночью и попросили поехать с одним из санитаров на соседнюю станцию. Там по какой-то причине застрял состав в одном из вагонов которого, везли в госпиталь медикаменты. Захар охотно согласился, быстро оделся и уже через десять минут, они мчались по пыльной, грунтовой дороге в дребезжащей полуторке. Станция эта находилась в тридцати километрах от Ташкента, дорога заняла больше часа. Быстро управившись с погрузкой и необходимыми бумагами, они торопливо отправились назад. Но в дороге их застиг очень густой туман, они сбились с дороги, машина двигалась медленно, а потом и совсем остановилась. Видимость упала до нескольких метров и пробираться через жёлтое марево, стало невозможно. Решив дождаться утра, санитар глотнул воды из солдатской фляги и спокойно уснул. Вскоре стало светать, туман стал медленно испаряться. Захар тихо, что бы не разбудить спящего человека, вышел из

полуторки немного размять ноги. Неожиданно резко всё вокруг потемнело, будто кто-то нарочно выключил свет.

В сознание Захара привела тупая, ноющая боль в затылке. Он с трудом встал на четвереньки и выплюнул набившийся в рот песок. Полуторка с медикаментами исчезла. В нескольких шагах от него лежал санитар, Захар сразу понял, что он мёртв. Работа в госпитале научала быстро распознавать мёртвых и притупила чувство страха перед ними. Солнце было в зените и жгло нещадно. Захар постоял немного над телом и решил возвращаться обратно на станцию. Сняв рубашку он завязал её рукавами вокруг головы и отправился по едва видневшимся на песке, следам полуторки. Боль никак не отпускала. Он несколько раз садился отдыхать, один раз даже не надолго заснул или может потерял сознание. А когда открыл глаза рядом с ним сидел дедушка:

- Уже третий день мы с Яшей шли по пустыне, - мягким голосом, старик продолжал он давнюю историю. - Нас мучил голод, жажда выжигала горло, мы из последних сил брели сами не зная куда. Я вспомнил, что где-то читал, как утром на верблюжьих колючках собираются капли росы. И действительно эта спасительная влага, помогла нам продержаться несколько дней. К концу пятого дня нас нашли бедуины. Яков, то и дело терял сознание, у меня тоже постоянно кружилась голова, тело было покрыто волдырями от солнечных ожогов. Пока меня не усадили на верблюда и не напоили солоноватым кумысом, я был уверен, что это мираж.

Захар очнулся, вокруг никого не было, солнце стало клониться к барханам, жара спадала, сильно болела рана на затылке, но кровь уже не сочилась. Захар прошёл ещё немного и обессиленный упал в раскалённый песок. Когда он открыл глаза, чёрное небо над ним было усеяно миллионом звёзд. Головная боль немного утихла, но горло нестерпимо жгла жажда. Захар встал на колени, рядом с собой он нащупал рукой колючий, влажный кустик. Он нагнул к нему голову и стал всасывать в себя солоноватую росу с песчинками... Потом он шёл, падал, полз, поднимался и шёл. Его полуживого подобрал патруль в трёх километрах от станции. Хромой старшина и два солдата напоили его водой из фляги и принесли в санчасть. Там его узнал местный фельдшер и позвонил в Ташкент военврачу Морозевичу. Тем временем у Захара поднялась температура, он дважды терял сознание, проваливаясь в горячую бездну, потом у него начался жар. Вскоре сквозь оглушающую головную боль, он услышал спокойный голос деда:

- Гассан помог Якову спуститься с верблюда, а я слез сам. Он провёл нас в тёмное, полуподвальное помещение. Там было прохладно и немного сыро, пахло незнакомыми пряностями. Пол был устлан толстыми коврами и мы изможденные и разбитые, просто свалились в мягкий ворс. Я очнулся от того, что почувствовал как меня раздевают. Ловкие руки стянули с меня брюки и рубашку. Приподнявшись на локте я увидел, как из под низко надвинутого на лоб хиджаба, на меня с любопытством смотрели удивительной глубины и формы глаза. Девушка протянула мне светлую рубашку из плотного, но мягкого сукна. Я натянул её на себя, через голову и встал, она была мне до колен. В углу, широко открыв рот, спал Яша. Кто-то заботливо подложил под его голову несколько пёстрых, расшитых бисером подушечек. Чуть в стороне, у маленького окна, на низком, резном столике стоял саквояж с набором

основных, медицинских инструментов, который брат повсюду таскал с собой. Я хорошо помнил, как он оставил его в пустыне, не в силах оторвать от горячего песка. Вскоре в дверном проёме появился Гассан, он принёс медный чайник с душистым чаем и три пиалы...

Захар открыл глаза и с трудом сфокусировал взгляд, из под тяжёлых штор в палату пробивался острый лучик солнца. Его переодели в пижаму, голова была плотно перебинтована. Он попытался что-то сказать, но горло лишь оцарапал сухой треск. Захар смотрел в сырой, потрескавшийся потолок, когда в палату вошла медсестра. Она чуть поправила одеяло и увидев, что он в сознании тут-же выскочила за дверь. Ещё через минуту появилась фельдшер, за ней санитарка, на подносе она несла заварочный чайничек и фарфоровую восточную чашку. Вскоре Захара перевезли в Ташкент, он быстро шёл на поправку, несколько раз его допрашивали офицеры НКВД. Полуторку с медикаментами так и не нашли и дело потихоньку забылось.

В середине 1944 года, со сквозным осколочным ранением, личным самолётом заместителя Верховного Главнокомандующего, в госпиталь был доставлен полковник, Алексей Петрович Рошин. Ему выделили весь флигель, приставили личного лечащего врача, несколько молоденьких медсестёр и Захара, в качестве санитаря. За три месяца его поставили на ноги. Полковник Рошин, выполнял деликатные поручения, Георгия Константиновича Жукова, деликатные и важные на столько, что вместе с ним в тыловой госпиталь прибыли два адъютанта и архив- три гигантских, оббитых медными скобками чемодана с документами. Два раза в неделю, ему доставляли фельдъегерскую почту, каждый день он отправлял на разные участки фронта срочные, секретные депеши. В обязанности Алексея Рошина, блестящего московского учёного, историка, исследователя и библиофила, официально входили розыск и возврат похищенных нацистами с территории СССР и оккупированных стран, ценностей. В освобождённых Советской Армией городах, он пользовался неограниченной властью, описанные и опечатанные им вагоны с культурными и историческими сокровищами, эшелонами отправлялись на восток. Ранение он получил в едва освобождённом Кракове, во время организации охраны Ягеллонской библиотеки, одну мину наши доблестные сапёры, всё таки пропустили.

Как только полковник Рошин чуть поправился, он тут же взялся за работу, делал выписки из энциклопедий и иностранных журналов, сравнивал фотографии, диктовал письма. С выздоровлением полковника работы у Захара стало меньше, теперь он часами просиживал во флигеле, рассматривал иллюстрации в книгах и каталогах, кое-что записывал под диктовку. Оказалось, что Захар обладает цепкой памятью, острым умом и тонким вкусом. Полковник рассказывал мальчику о гениальных художниках и их бессмертных творениях, о великих скульпторах и зодчих, о судьбах писателей и поэтов. Когда речь заходила о произведениях искусства, Рошин иногда называл его стоимость в фунтах стерлингов. Однажды разговор шёл о портрете Лизы Герардини дель Джокондо, более известной, как “Мона Лиза”:

- Алексей Петрович, можно у вас спросить?

- Правильно говорить- задам вопрос, - полковник достал пачку неизменного “Казбека” и прикурил, ловко щёлкнув гильзой-зажигалкой, - валяй.
- Вот не пойму никак. Вы говорите, что картина бесценна, но тут же называете её стоимость?
- Как говорят американцы: если это не продаётся- это не искусство, - Рошин улыбнулся, выпустив через ноздри едкий дым, - а если серьёзно, так цена, это просто номинальная цифра, отображающая место произведения в каталоге, не более. В самом деле, денег всей земли не хватит, что бы воскресить Леонардо да Винчи...

Вскоре Рошину разрешили вставать, каждый вечер они выходили гулять в больничный скверик. Он продолжал рассказывать, Захар внимательно слушал, никогда не перебивал, изредка задавал вопросы. Мальчик с нетерпением ждал этих длинных вечеров, каждый день он узнавал что-то новое. Он переживал душевные терзания вместе с чернецом Андреем Рублевым, его сердце переполняли сострадания к больному и нищему Полю Гогену. Он истекал кровью вместе с Ван Гогом, смертельно ранившим себя выстрелом из пистолета. К отъезду полковника, Захар уже пытался разбираться в эстетике Анри Матисса. Книги о теории искусств, оставленные Рошиным в подарок, занимали его целиком, мальчик с головой погружался в особенности живописи малых голландцев, у него появляется интерес к античной культуре, а отсюда и к ренессансу- эпохе возрождения! Он, как губка впитывал сведения о мировых шедеврах и их авторах. Захара завораживали события, связанные с историческими раритетами- Мечом Тамерлана и Копьем Лонгина, Золотым Руном и Туринской Плащаницы, чудесами иконы Казанской Божией Матери и загадками Ордена Рыцарей-Храмовников.

Однажды, рассматривая альбом с репродукциями Диего Веласкеса, Захар обратил внимание, что многие лица на портретах, едва уловимыми чертами, похожи друг на друга. Он поделился сомнениями с Рошиным.

- Удивительно, что ты это заметил, - оживился Алексей Петрович, - это профессиональная болезнь художников. Вот представь себе, Веласкесу позирует знатный испанский герцог. Целый день обливаясь потом, идадьго стоит в стальной кирасе увешанный оружием и тяжёлыми доспехами в душной мастерской художника. На следующий день он нужен опять, потому что Диего успел сделать только общие эскизы и всего несколько деталей. Но теперь у благородного рыцаря нет ни времени, ни желания, провести в пропахшей красками мастерской ещё один день и он под любым предлогом, отказывается позировать. Веласкес в панике, ведь деньги им уже получены и даже потрачены. Что тогда делает художник?

- Что? - переспросил Захар.

- Тогда он берёт зеркало! И теперь все недостающие детали, ну например уголок глаза или мочку уха, он рисует с себя. У него просто нет другого выхода и в конце-концов, практически любой портрет художника, это немножечко автопортрет...

Через два месяца после отъезда полковника, Захара вызвали в НКВД. После короткой беседы он в сопровождении офицера вернулся в госпиталь, наскоро попрощался с персоналом, собрал вещи и тем же вечером вылетел на

фронт. На военном аэродроме под Будапештом, его встретил один из знакомых ему адъютантов Рощина и отвёз его в штаб 3-го Украинского Фронта. С Рощиным они встретились только через четыре дня, к тому времени Захара постригли, переодели в форму, поставили на довольствие и даже задействовали в разборе завалов местной школы.

- Ну, с прибытием, - Рощин крепко пожал Захару руку, - всё сделал как обещал!
- Спасибо большое, Алексей Петрович!
- Как устроился, с ребятами познакомился?
- Да всё в порядке, я в третьей роте...
- Вот и отлично, кто там ротный?
- Майор Сологуб!
- Замечательно, - Рощин на мгновение задумался и неожиданно спросил, - ты спирт пьёшь?
- Да, пробовал несколько раз, ещё в госпитале...
- Тогда давай, помогай Толмачёву накрывать на стол, сейчас ужинать будем! И не забудьте Сологуба позвать...

На застеленном газетами столе в кабинете полковника, аппетитно пахла большая банка тушёнки с гречкой, крупно нарезанное сало “шпик” с широкими прожилками розового мяса, буханка ржаного хлеба, несколько сваренных вкрутую яиц, луковица и плитка трофейного шоколада. Последним пришёл майор Вася Сологуб, он принёс местный кулинарный деликатес- горячий гуляш с картошкой в чугунном казанке. Завершала натюрморт фляга со спиртом:

- За победу, братцы! Что бы мы выжили, а враги- нет! - коротко, но ёмко сказал Рощин!
- Все выпили...

Алексей Петрович Рощин регулярно выезжал в служебные командировки, в основном это были оставшиеся в тылу крупные города, освобождённые от нацистов. Иногда это были короткие одно-двухдневные перелёты, иногда они длились неделями. Обычно вместе с ним следовали оба его помощника и связист. В расположении штаба оставался Захар. В его обязанности входил учёт входящей почты, он подшивал по папкам полученные в отсутствие Рощина документы, телефонограммы и письма, изредка следил за упаковкой и погрузкой ящиков в вагоны или самолёты, в общем вёл однообразную секретарскую работу. Тем временем войска 3-го Украинского фронта, успешно форсировали Дунай и в марте, во время Балатонской операции, сорвали контрнаступление немецких войск. Война входила в свою решающую стадию и хотя немцы всё ещё оказывали жёсткое сопротивление, в её исходе уже никто не сомневался. Сердце Захара удваивало скорость, когда по радио звучали новости с фронта, война подходила к концу а он так ни разу и не был на передовой. Конечно солдаты из третьей роты, где Захар теперь жил, рассказывали массу захватывающих историй, они научили его пользоваться оружием и ручными гранатами, иногда брали с собой в патруль, но всё это было не война. А ему хотелось именно на линию фронта, на передовую, где свистят пули и звенит артиллерийская канонада, где враг и где месть. Месть за отца и маму, за дедушку Давида, месть за дом, за румяную, тёплую халу... Его сердце сжимала стальная судорога, как только он задумывался об этом.

Однажды, когда всплыли данные о местонахождении Янтарной Комнаты и Алексей Петрович с помощниками и радистом, вылетели в освобождённый от немцев Кенигсберг, Захар уговорил командира разведвзвода лейтенанта Антонова взять его с собой на задание. Задание было не сложное, необходимо было дождаться в условленном месте, в районе линии фронта, группу разведчиков, принять “языка”- немецкого офицера, захваченного в плен и доставить его в расположение штаба. Единственным осложнением операции было то, что немецкие части занимали на этом участке фронта более выгодное стратегическое положение и контролировали позицию с небольшой высоты, а поменять место перехода разведчиками линии фронта, было невозможно из-за того, что у них был повреждён передатчик. Когда, две недели назад операция только планировалась, диспозиция фронта была несколько иная и тогда это место подходило идеально. В последнем эфире, когда связь уже была односторонней, разведчики упомянули о планшете с секретными картами, захваченными вместе с “языком”. Командир развед роты, капитан Авдеев придавал этой карте важное значение. Если окажется, что на ней указаны дислокации немецких подразделений и аэродромов, это очень упростит готовящееся наступление нашей дивизии.

Легко всухомятку поужинав и ещё раз проверив оружие, отряд отправился на задание. Часть дороги они ехали на дрезине, оставшуюся до линии фронта- бегом. В заданный квадрат, как и планировалось отряд вышел когда настали сумерки. Без шума устроившись в глубоком окопе, солдаты в ожидании условного сигнала, внимательно вслушивались в тишину. До встречи оставалось меньше часа. Темноту ночи, постоянно резал яркий свет прожектора с немецкой стороны. Луч медленно, метр за метром ощупывал землю, выхватывая из темноты столбы с колючей проволокой, брошенную технику, бездонные воронки от тяжёлых авиабомб.

- Они здесь, - неожиданно громко сказал старший группы, младший лейтенант Антонов, - всем внимание, начинаем отвлекающий манёвр.

В воздух одна за другой, взлетело две осветительные ракеты, а затем Зинчук поднял над головой ППШ и не глядя выпустил в сторону немцев, обойму трассирующих пуль. Смысл манёвра заключался в том, что бы отвлечь немцев на себя, тем самым ослабив их внимание, на участке прохода линии фронта разведгруппой.

- А теперь все на дно, быстро...

Тишину разорвал оглушительный свист и сразу за ним взрыв:

- Миномётами утюжат, зараза, - выругался Зинчук, - всем рассредоточится, Пандир ко мне!

Снаряды падали один за одним, иногда так близко, что солдат обдавало градом земли. Захар вдруг вспомнил ту самую бомбёжку, мгновенно оживший в нём ледяной страх вжал его спиной в холодную стену траншеи. В себя его привёл голос Антонова, офицер орал ему прямо в ухо, перекрикивая вой миномётных снарядов:

- ... Помнишь я показывал на карте церковь ...

Прогредел взрыв.

- ... Не высывайся из окопа, пригнись и беги туда, здесь сейчас будет жарко. Постарайтесь доставить “языка” к утру, это очень важно и планшет...

Теперь взрыв раздался совсем рядом и на их каски со звоном посыпались осколки камней и комья земли:

- ... Планшет береги...

Взрывной волной Антонова прижало к Захару:

- ... Понял, планшет срочно в руки Авдеева! Давай, - он хлопнул Захара ладонью по плечу, - не подведи, сынок!

Захар побежал. Он слышал, как затарахтели автоматы Авдеева и Зинчука, разведчики продолжали отвлекающий манёвр. Начал накрапывать колючий дождь.

Захар остановился немного отдышаться. Перестрелка осталась позади, один из снарядов поджёг заброшенный блиндаж и свет от огня немного растворил темноту. Захар узнал помеченную на карте разрушенную церковь и тут же услышал:

- Стой, кто идёт?!

- Куприянов... - громко ответил он фамилию старшего разведгруппой, которая так же служила паролем.

- Куприянов погиб, здесь сержант Заболотный...

Захар подошёл поближе, назвал своё имя и протянул руку, сержант её пожал. Захар коротко описал обстановку, Заболотный внимательно слушал и часто кивал. Захваченного майора он привязал к дереву, а сам отправился на встречу. Сейчас им предстоит вернуться, забрать “языка” и лишь тогда двигать за линию фронта.

- Майор Кёлер, - сержант указал подбородком на привязанного к дереву немецкого офицера, его голова криво свесилась набок, изо рта торчал грязный кляп. Заболотный присел на корточки, на минуту задумался, потом снял с головы пилотку, вытер ею пот со лба и не оглядываясь тихо сказал:

- Этот фриц и этот планшет сейчас важнее всего на свете, их необходимо как можно скорее доставить к Авдееву.

Они отвязали немца и торопливо двинулись к линии фронта. На выходе из лесопосадки, они оказались открытыми, как на ладони и хотя их скрывала темнота, да и дождь помогал, всё-же как только в небе вспыхивала осветительная ракета им приходилось падать и неподвижно лежать, пока она не погаснет. Заболотный развязал Кёлеру руки, что-бы ему легче было бежать, но пригрозил автоматом, пообещав расстрелять в случае побега. Немец с пониманием закивал головой. На самом краю поля, когда до спасительных оврагов оставалось метров пятьдесят, на них напоролся луч прожектора. С немецких позиций открыли шквальный огонь, крупные пулемётные пули быстро вспахали землю вокруг воронки, где они укрылись.

- Они достанут нас миномётами... - уверенно произнёс сержант, - у нас от силы три минуты, - и тут же добавил для Кёлера, показав для пущей убедительности показал три пальца, - драй минутен, фирштейн...

Теперь в их сторону непрерывно светил мощный прожектор, а в небе над ними весело несколько осветительных ракет. Вдруг, с того участка, где остался отряд Антонова, послышалась беспорядочная стрельба, потом разорвались одна за другой две ручные гранаты.

- Это наши их отвлекают, - крикнул Заболотный, - за мной!

Он низко пригнувшись выскочил из воронки, потянув за собой немца. Добежав до края оврага, они покатались вниз по размокшему валу. Следом за ними, по крутому склону оврага, прижимая к груди автомат, скользил Захар. На самом дне Заболотный тихо застонал, пуля попала ему в правый бок чуть выше бедра. Схватив нож, он разрезал намокшую от крови ткань, затем выдернул из сапога портянку, скомкал её и прижал к ране. Свободной рукой он снял с ремня флягу, зубами открутил крышку и сделал два больших глотка, а затем обильно полил рану спиртом.

- Вроде ушли, - проговорил он чуть отдышавшись, протягивая флягу Захару, - будешь? - Захар отказался, тогда Заболотный предложил флягу Кёлеру, - шнапс...

- Больно? - спросил Захар.

- Жжёт немного, а так терпимо...

Захар увидел, как сквозь ткань и пальцы сержанта, начинала сочиться кровь. Тем временем Кёлер вернул флягу Заболотному, тот сделал ещё один глоток и слабеющим голосом сказал, глядя Захару в глаза:

- Ах помирать не хочется, я с Финской на фронте, на животе пол Европы прополз...

- Я тебя не брошу...

- Знаю, что не брошишь, только вот что, - он сильно закашлялся, по гримасе исказившей его лицо было видно, как он страдает, - слушай меня внимательно, парень! Сам я не дойду, а ты меня не дотащишь, только хуже сделаешь. Я здесь полежу, ты мне вон тройку досок принеси и плащ-палатку оставь, что бы не на сырой земле... - он опять закашлялся, - и как только сдашь фрица Авдееву, сразу пусть пошлют за мной. Или может ещё по-дороге наших встретишь, ориентир не забудь, видишь вон церковь.

Он оглянулся и быстро перекрестился:

- Планшет береги и за майором следи, он вроде тихий, да только хрен его знает...

Кёлер двигался впереди, за ним с автоматом наперевес шёл Захар. Что-бы планшет ему не мешал, он затолкал его под ремень и сдвинул на бок. Дождь прекратился, время от времени в небе появлялся узкий серп луны, свет от которой на короткое время рассеивал страх. Захар был уверен, что они двигаются в правильном направлении, он несколько раз узнавал метки, оставленные разведчиками. Вскоре они добрались до железной дороги, где их ждала дрезина, но у них не хватило сил поставить её на рельсы. Они так и шли всю ночь вдоль железнодорожной насыпи, грязный и еле волокущий ноги майор вермахта Эрик Кёлер, а за ним мальчик, ещё три месяца назад, сидевший за партой в тыловой школе. От непривычки и монотонной ходьбы, на Захара навалилась сонная усталость. Что-бы немного взбодриться, Захар достал из вещмешка четыре завернутые в газету, пшеничные галеты, две отдал немцу, две съел сам.

- Была моя очередь дежурить, остальные спали, завернувшись в мягкие, шерстяные одеяла, - глухую тишину ночи, нарушил твёрдый голос. Увидев рядом с собой дедушку, Захар зашагал уверенней. - На фоне звёздного неба, мистически раскачивались мохнатые верблюжьи горбы. Измученные дневным переходом животные, улеглись по-кругу, спасая нас от пресмыкающихся, как

ни странно, но змеи не переносят запаха верблюжьей шерсти. Мне кажется я начинаю понимать красоту, силу и величие пустыни! Это только на первый взгляд она скучна и однообразна, на самом деле утром она переливается миллионами алмазов, днём зеркалом отражает солнечные лучи, а вечером оживает и провозжая за барханы утомлённое солнце, становится оранжевого цвета. Когда она волнуется, то поднимает в воздух тонны песка, когда отдыхает, то дразнит путников волшебными миражами. Она иногда плоская, как арабская лепёшка, иногда волнистая, будто штормовое море, она дышит сухим зноем днём и пробирает холодом до костей, ночью...

- Дед, а кто остальные, - Захар прервал монолог деда, - ну те которые спали?

- Это Яков и Ясмина...

- Ясмина?

- Любимая, но непутёвая дочь Гассана, - старик улыбнулся, - она была грациозна, как голубка, голос её напоминал звучание арфы, смех- журчание ручейка, а когда она смотрела на Якова, её глаза вспыхивали, как редчайшие изумруды!

Старик прервал рассказ, приподнялся на локте и достал из заплечной сумки, хлебную лепёшку с овечьим сыром, обёрнутую в тонкое полотенце с острым восточным узором...

Земля вдоль железной дороги была размыта долгими дождями, и хотя Захар знал, что это опасно, он всё-же решил двигаться по-шпалам. Опасность была в первую очередь связанна с тем, что насыпь легко простреливалось, а в лесу бродило множество попавших в окружение и пробирающихся к своим, гитлеровцев. Двигаться по железнодорожному полотну было намного легче, таким образом он быстрее мог доставить в штаб языка и планшет. Вскоре, показались редкие огни станции и они зашагали быстрее. Внезапно, Захар услышал резкие механические щелчки и уже в следующую секунду его ногу плотно зажало, переводной стрелкой. Громко вскрикнув от боли, он упал на колено и вдруг почувствовал, как мелкой дрожью вибрируют рельсы. Затем сквозь плотную густоту ночи, Захар увидел как вспыхнул вдали, тонкий луч. В себя его привёл голос Кёлера, он что-то кричал и размахивал руками, Захар попытался двинуть ногой, это было бесполезно, она была крепко зажата рельсой и стрелкой. Кёлер упал на колени и изо всех сил пытался освободить ногу мальчика, из стальной ловушки, но этим лишь причинял боль Захару. Тогда он решительно вскочил, осмотрелся, что-то сказал, указывая рукой на станцию и побежал, быстро растворяясь в темноте. Захар было вскинул автомат, но тут-же его опустил. Рельсы дрожали всё сильнее, состав приближался, Захар уже чувствовал ветер, толкаемый поездом перед собой. Мальчик закрыл глаза...

... И увидел, как раскачиваясь из стороны в сторону, закрыв глаза и прижав руки к груди, молится его дедушка: "Барух, Ата, Адонай, Элохейну, мелех ха олам ...", доносилось до Захара сквозь нарастающий свист ветра.

Внезапно стрелка на мгновение, слегка приоткрылась. Освобождая ногу, Захар чуть сдвинулся назад и скатился по насыпи в лужу. Когда он открыл глаза дедушки не было, а над ним летел состав с танками, накрытыми камуфляжной сеткой. На одном из них он успел прочитать: "На Берлин". В голове пронеслось- где Кёлер! Он быстро нащупал руками планшет, потом

сташил с ушибленной ноги сапог и стал растирать её ладонями. Когда Захар хромая и опираясь на автомат, дошёл до станции, небо уже посерело. Облокотившись спиной на круглую кладку колодца, на деревянном ящике от ручных гранат, сидел Кёлер. Его веки были полуприкрыты. Он умылся, в его светлых волосах блестели крупные капли воды. Взгляд Захара упал на его руки, кожа на ладонях была стёрта до мяса.

Не доходя до постов, Кёлер жестом остановил Захара. Аккуратно, двумя пальцами, он достал из сапога выпуклый медальон на цепочке:

- Битте, - он протянул его мальчику, - Wenn du kannst übergib es von meinem der frau und dem sohn...

Захар не понял ни слова. В крупном плоском камне, расположенном в центре полированной крышки медальона тускло отражался случайно выглянувший из-за туч, серебряный серп луны.

В блиндаже командира разведроты, они оказались, когда взошло солнце. Спустя три часа, в расположение части вернулись разведчики, они добрались на дрезине, кроме того привезли с собой потерявшего много крови, но живого Заболотного. К тому времени Авдеев уже допрашивал Кёлера, а Захар крепко спал, укрывшись тяжёлой шинелью поверх одеяла. Сквозь сон он видел, как на соседней койке, подперев подбородок рукой, сгорбившись сидит дедушка Давид.

- Как-только девушке исполнилось 14 лет, два ближайших соседа прислали к Гассану женихов, своих сыновей. Оба они были статными юношами, достойными сыновьями и правоверными мусульманами. У обоих на широких поясах висели кривые булатные сабли. Они привели с собой длинношерстных коз, курдючных баранов и по верблюду, навьюченными дарами- тканями и специями. Женихи ни чуть не уступали друг-другу и поскольку они пришли одновременно, Гассан решил никого не обижать отказом, а устроить состязание- кто победит, тот и получит в жёны прекрасную Ясмину!

- Дедушка, это похоже на сказку...

- На Востоке реальная жизнь и сказка, давным- давно переплелись между собой. Ты слушаешь?

Мальчик кивнул головой.

- На утро, когда первые лучи солнца вспыхнули из-за барханов, молодые люди вышли на площадь перед минаретом. К тому времени, там уже собралась большая толпа мужчин, желающих посмотреть на поединок. Женщины сидели дома, ибо удел восточных женщин- послушно ждать, пока мужчины решают их судьбу и повиноваться любому решению. Но Ясмину нарушила обычаи пустыни, она скинула чадру и облачилась в одежду брата. Затем села на мула и укутавшись в клетчатую куфию по-самые глаза, выехала на площадь. Покончив с утренней молитвой, отроки взялись за поединок...

Майора Кёлера, Захар больше не видел, вероятно его вместе с другими военнопленными отправили в тыл специальным эшеленом. Об инциденте со стрелкой он решил никому не рассказывать, судя по всему и Кёлер тоже молчал. Наступление дивизии, по тактическим причинам, состоялось, на другом участке фронта. Авреев обещал представить Захара к медали “За Отвагу”,

разведчики подарили ему раскладной золингеновский нож, с набором разных инструментов, встроенных в рукоятку. Алексей Петрович устроил разнос:

- Тебя не поощрять надо, а под трибунал отдать... Да-да под трибунал за самовольно оставленный пост, - Роцин смотрел Захару прямо в глаза, - ну что, отомстил?

- Нет... - честно ответил тот.

- И хорошо, - его голос заметно смягчился, - не надо пачкать руки кровью. Поверь, отмыть их потом будет невозможно.

- Но ведь это кровь врага... Ведь это они убили... - Захар вдруг запнулся.

- Послушай сынок, - Алексей Петрович положил ладонь на коротко стриженную голову мальчика, - ну застрелил-бы ты этого майора, или убей ты хоть сотню немцев, ни дедушка, ни твои родители не воскреснут...

- Они не воскреснут, но я должен...

- Ты должен остаться в живых, вот что ты должен! Именно этим ты и отомстишь!

- А как мне жить?

Роцин задумался, потом неспешно закурил:

- На этот вопрос у меня нет ответа, спросишь у своего Бога, при случае... И кстати, если твои руки будут в крови его детей, я не думаю, что он станет с тобой беседовать...

- Бога нет... Как нет мамы и папы, как нет моего деда... Где он был, когда их убивали? - Из глаз мальчика катились слёзы, его голос сорвался на крик, - ведь от них не осталось даже пыли...

Захар резко встал. Внезапно у него закружилась голова, в глазах запрыгали цветные искры и он стал медленно оседать... Через не плотно сжатые, ресницы он увидел, что лежит на коленях у деда:

Ясмина закашлялась, поперхнувшись тёплой водой и пришла в себя. Вокруг столпились мужчины всей деревни, они осуждающе смотрели на неё и её наряд. Рядом с ней на коленях стоял Гассан, он чуть приподнял её голову и поил водой из кувшина. В её глазах отражалось бескрайнее небо. Струйки воды стекали по подбородку и неприятно щекотали шею. Тела юношей уже убрали. Она вдруг очень ясно вспомнила, как молодые люди одновременно пронзили друг-друга саблями, как в воздух взлетели рубиновые капли крови, как долго они падали в песок. Её тело дёрнулось в конвульсии, ресницы затрепетали и она опять потеряла сознани...

Теперь выезжая в командировки, Роцин всегда брал Захара с собой. Они продолжали заниматься описью и отправкой на восток ценностей из государственных музеев и частных коллекций. С начала 45-го, в Москву шли в основном составы с мебелью, коврами, посудой, одеждой, и не только из музеев, а ещё и с уцелевших магазинных и фабричных или мануфактурных складов. Алексей Петрович скрипя сердце, подписывал накладные и печатывал вагоны. К этому времени в их отделе появилось два офицера, носивших погоны НКВД. Они не вмешивались в дела Роцина, но повсюду следовали за ним, делали короткие записи в своих блокнотах, иногда просили посмотреть те или иные бумаги.

До конца войны Захар побывал во всех крупных городах Восточной Европы. Победу они с Рощиным встретили в чёрном от копоти, лежавшем в руинах Дрездене. На мраморном полу галереи “Alte Meister”, среди шедевров Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка и Тициана, они расстелили шинели, разложили на них сухой паёк, разлили по мятым, алюминиевым кружкам трофейный шнапс и пили за победу! На подогнанной в размер гимнастёрке Захара, поблёскивала новенькая “Отвага”. Первый раз в жизни, он был по-настоящему пьян. Он ещё помнил, как не мог оторвать глаз от “Сикстинской Мадонны”, Рафаэля Санти, как потом они с Алексеем Петровичем пели “Катюшу” и приглашали к импровизированному застолью смотрительницу галереи, высокую, худую немку, прятавшуюся за угловой колонной. Немка, по-началу отказывалась, а потом неожиданно согласилась и даже принесла горячий чайник и тяжёлый, бронзовый канделябр с тремя свечами. Её бледное чуть удлинённое лицо, напоминало женские лица с картин Модильяни, большие печальные глаза, выражали тревогу и усталость. Её завали Элиса Ленц, она оказалась студенткой Штутгартской Академии Художеств, проходившей практику в Дрездене и застрявшей здесь в военной суматохе. Дирекция галереи сбежала, а она не смогла оставить картины, так и ходила по пустым залам, подметала битые стёкла, с помощью местных мальчишек и нескольких пенсионеров, сносила в подвалы, на её взгляд самые ценные и значительные документы, рукописи, полотна и скульптуры музея. Так ей удалось спасти всех малых голландцев, из разрушенного советской артиллерией, левого крыла галереи. И ещё она рисовала... Рисовала всё, что видела, слышала и чувствовала. Выпив шнапса и немного осмелев, она достала свой альбом, шершавые страницы изрисованные углём, отражали её страх. На одной из них стоящая на коленях женщина, обезумев от страха она протягивала руки к небу. Захару вдруг показалось, что эта женщина, похоже на его маму. Он одним глотком допил остатки шнапса, а потом долго и не моргая смотрел на рисунок. Последнее, что Захар смутно помнил, это как Элиса ловко скрутила копну светлых волос в узел на затылке, удобно уселась на ящик и облокотилась спиной на колонну. Затем она устроила у себя на коленях альбом и достав из кармана угольный карандаш, взялась его рисовать. Дальше был провал в памяти. Он так и заснул на шинели, подложив под голову скомканный рукав. Потом он на несколько мгновений пришёл в себя, увидел как Рощин достаёт из вещмешка ФЭД и фотографирует увлечённую рисованием девушку, а затем уже окончательно провалился в пьяный сон. Во сне расцветали яблони и груши, во сне плыли туманы над рекой, затем туман рассеялся и появилось облако. На нём лысоватый старик в золотистой накидке, что-то просил у женщины с ребёнком на руках, указывая шестым пальцем, на Захара. Из под облака, за всем этим безразлично наблюдали, два растрёпанных хлопчика с крылышками...

Захар проснулся от мучительной головной боли. С трудом подняв тяжёлые веки и дав глазам привыкнуть к темноте, он осмотрелся. В центре казармы, вокруг уставленного бутылками, словно стрелянными миномётными гильзами стола, сидели солдаты. На полу тускло мерцали две керосиновые лампы. Тихо переговариваясь, они выпускали в воздух ядовитые клубы махорочного дыма, кто-то в пол голоса напевал под расстроенный аккордеон: “Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги, да степной бурьян...”

Рядом с кроватью, на корточках сидел дедушка Давид. Держа в руках пиалу с козым молоком, он осуждающе покачивал седой головой и тяжело вздыхал:

- Водка ещё никого до добра не доводила... Возьми вот попей, Захарка, - старик поднёс пиалу поближе к мальчику, - и тебе сразу станет легче.

- Я не хочу дедушка, - Захар приподнялся на локте, - Расскажи мне лучше, что стало с Ясминой?

- Что стало с Ясминой, - повторил он и пересел на край кровати, - разве я тебе не рассказал? Девушка убежала с Яковом... Ну и я конечно последовал за ними, правда с молчаливого благословения её отца. После произошедших событий, Ясмينا почти всё время проводила в доме. Однажды по-дороге в мечеть, в неё кто-то бросил камень и теперь Гассан строго следил за тем, что-бы девушка не выходила за высокий забор, плотно окружающий дом и внутренние постройки. В ночь перед отъездом, Гассан позвал меня к себе, дал в дорогу тюк с одеждой и одеялами, складной нож, примус, деньги...

Мы направлялись в Иерусалим. Почти половину Турции мы пересекли по железной дороге, потом она внезапно кончилась упершись в озеро Туз. Оставшуюся часть, мы проделали на хантуре- конной повозке покрытой тентом из плотной ткани. В дороге мы учили фарси, Ясмينا была хорошим наставником, у неё был редкий дар с лёгкостью объяснять сложные вещи. И ещё она обладала удивительной способностью располагать к себе людей. Было очевидно, что Яков влюблён в неё по-уши, он неуклюже пытался скрывать это и я над ним подшучивал. Для того, что-бы быстрее выучить язык, мы с братом решили между собой разговаривать только на фарси, если затруднялись объяснить друг с другом, звали на помощь Ясмину. Вскоре как-то само-собой мы заговорили. Яша тут-же стал врачевать. Ясмينا ему помогала, переводила разнообразные местные диалекты, кипятила инструменты, со-временем она научилась накладывать компрессы и делать перевязки. Жители приносили нам лепёшки, сухие шарики из овечьего сыра, овощи, виноград, иногда инжир и финики.

- Врачевать? - переспросил Захар, воспользовавшись короткой паузой.

- Ну конечно... Ты ведь знаешь, что до отъезда Яков с отличием закончил медицинский факультет Виленского Императорского Университета. Он даже успел почти два года практиковать в отделении острых и заразных больных, городского госпиталя. Всё изменило письмо, полученное Яковом из Иерусалима, от его университетского друга. В нём говорилось, что ответ на загадку происхождения нашей фамилии, можно найти только в Святом Городе. Кроме того мы всегда мечтали о настоящем путешествии...

Наш путь лежал через Сирийское Королевство. Двигались мы вдоль моря и хоть Дамаск был расположен в стороне от нашего пути, мы всё-таки решили там побывать...

Старик маленькими глотками выпил молоко из пиалы, вытер ладонью губы и продолжил:

- В Дамаске мы прожили семь месяцев. Поселившись в бедном квартале, Яков и Ясмينا принимали пациентов, я же тем временем исходил город вдоль и поперёк. Здесь, как и в Константинополе, было огромное количество мечетей и минаретов, храмов и молебен, караван-сараев и бань. Большие всего меня

поразила мечеть Омейядов, где по-легенде, хранилась голова Иоанна Предтечи. Я провёл там наверное несколько недель зарисовывая в блокнот затейливые мозаичные узоры, витиеватые ковровые орнаменты и причудливые фрески. Здание только недавно закончили восстанавливать после большого пожара и сюда стекались паломники со всей окрестности. Наблюдая мои старания, в один из дней сам главный имам пригласил меня в уютный сад с фонтаном, разбитый во внутреннем дворе мечети; там он внимательно рассматривал рисунки, угощая меня душистым чаем и пахлавой.

Два раза в неделю мы с Ясминой ходили на огромный базар “Аль-Хамедийя”, где закупали целебные травы и специи из которых девушка, делала паллиативы, эликсиры и бальзамы. Она рассказывала, что научилась этому ещё в детстве, от своих бабушек. Купленные травы она высушивала на солнце, потом срезала ножницами вершки, разминала их в ступке в пыль, смешивала их в одной ей ведомой пропорции, растворяла в воде или кипятила в маковом молоке, потом давала остыть и разливала по ёмкостям. Из анисовых зонтиков Ясмина настаивала грудной эликсир, оставшиеся листики она засушивала для чая, а стебельки связывала в маленькие букетики и раскладывала между бельём, посудой, да и просто по всем свободным уголкам, по её словам запах аниса отпугивал насекомых- муравьёв, тараканов, моль. Иногда по-заказу брата, мы покупали “алеппское” мыло, изготавливаемое туземцами с добавками оливкового масла и целого набора лечебных трав. Растворяя мыло в воде и смешивая с мёдом, Яша делал из него мазь от ожогов.

Однажды, возвращаясь с рынка, мы остановились у ювелирной лавки. Внимание девушки привлекло оригинальное ожерелье, изумительно сверкающее в косых лучах утреннего солнца. Мы подошли и она взяла его в руки, оказалось что в нём не было драгоценных камней, а на солнце играли грани искусно отполированного золота. Кроме того украшение отличалось необычной формой. Ясмина стала рассматривать остальные драгоценности, все они были удивительно красивы и исключительно самобытны. Мы позвали хозяина, араба-христианина, и я спросил у него разрешения их перерисовать...

Германский почтовый вагон завода “Линднер” в Аммендорфе, один из тридцати заказанных Вермахтом в конце сорокового с размером шасси под Советскую железнодорожную колею, был под завязку набит трофеями и прицеплен к эшелону с солдатами, направляющемуся на Восток. В тесном купе разместились полковник Рошин и Захар, оба офицера НКВД устроились в грузовом помещении, благо среди трофеев, был старинный мебельный гарнитур, с двумя плюшевыми, колченогими диванами. Всю дорогу Рошин работал, приводил в порядок и корректировал старые записи в толстых журналах, красными чернилами делал пометки на полях, подписывал фотографии на оборотной стороне. Он обладал феноменальной памятью, прекрасно помнил даты, названия музеев и галерей из которых изымались те или иные ценности, даже их адреса и фамилии зрителей. Алексей Петрович также помнил куда и в каком количестве отправлялись вагоны с трофеями- коробки с ювелирными изделиями и драгоценностями, ящиками со столовым серебром, редкими гравюрами, старинными книгами и антикварным оружием. Он мог по-памяти дать любую справку, точно описать изделие и его номер в

каталоге. Энкавэдэшники осторожно переглядываясь, удивлялись таким невероятным способностям “гражданского” полковника.

Время тянулось ужасно медленно, в некоторых районах эшелон стоял по несколько дней, ожидая окончания ремонта повреждённой железной дороги. Как-то раз, Захар случайно услышал, как один из солдат жаловался другому, что добытые им за линией фронта наручные часы, перестали заводиться и ходить. Захар попросил разрешения из посмотреть.

- А ты парень, в этом соображаешь? – недоверчиво спросил солдат.

- Ну так, немножко... - Захар приложил к уху хромированный корпус трофейного Хелиоса, - я попробую их починить... Дайте мне их на денёк, ладно. Вернувшись в вагон, Захар попросил у Рощина лупу и набор мелких инструментов, шедший в комплекте с заводной английской бритвой. Такие часы он видел и раньше, это был пехотный, офицерский Helios D.H. (Deutsches Heer – сухопутные войска Вермахта) с чёрным циферблатом и стальными, полированными стрелками. Захар аккуратно свинтил заднюю крышку, механизм бы полностью покрыт серой пылью.

- *Обрати внимание, на балансовое колесо и на спираль, - услышал он за спины, мягкий голос деда, - их надо хорошенько вычистить, а механизм смазать, можно даже оружейным маслом... И прокладка вот здесь отошла, видишь?*

Захар возился несколько часов, пока не стемнело. Бритвенной щёточной он аккуратно собрал пыль с механизма, затем щипчиками из золингенского ножа, снял спиральную пружинку завода и оставил её на 15 минут в керосине, потом достал, дождался пока высохнет и насадил обратно на ось. Перед тем как установить антимагнитную вставку и ввинтить на место заднюю крышку, он обмакивая острый кончик шила в масло, тщательно смазал механизм. Заведя головку на десять оборотов, Захар даже не услышал, но почувствовал, как маятник легко подтолкнул главную шестерню, та чуть напрягшись, сдвинула с места стрелку на маленьком секундном циферблате в положении цифры 6, и механизм ощутив силу завода пружины, вздрогнув всеми пятнадцатью рубинами, жизнерадостно затикал...

Оставшаяся часть пути была уже не так тосклива, всю дорогу Захар чинил часы- капризные, но элегантные “Догмы”, уверенные в себе “Зэнтры”, богатые и нервные “Тритоны”.

Рощин предложил Захару остаться в Москве, поселиться на первых порах у него, закончить школу, а там будет видно. Ехать Захару было некуда в любом случае, вначале он подумывал вернуться в Ташкент и отыскать свой госпиталь, но после предложения Алексея Петровича, тут-же выбросил это из головы. Во время движения поезда, когда вагон вибрировал и ремонт часов был не возможен, Захар курил, сидя на подножке тамбура или читал книги из багажа Рощина. Курил он “Кэмел”, который отдавали ему офицеры, предпочитая союзническим, любимые папиросы “товарища Васильева”- “Герцеговина Флор”. Когда появлялся дедушка, Захар откладывал книги и тушил сигарету. Развевая руками дым, старик неторопливо продолжал давнюю историю:

- *Теперь я целые дни проводил в ювелирной лавки Кемаля, на улице Баб-Тума, на которой по его словам, когда-то жил апостол Павел. Лавка состояла из трёх частей- торговая, мастерская и жилая, таким образом хозяина*

можно было застать в лавке почти в любое время суток. Я ведь рассказывал тебе, как целую неделю ходил к нему перерисовывать его изделия- роскошные браслеты выполненные из золота разных оттенков, восхитительные серьги и кольца, умопомрачительные ожерелья. Драгоценными камнями Кемаль не пользовался, приговаривая что правильно отполированное золото, играет живее любого изумруда. Ему нравились мои зарисовки и эскизы, один из них он даже повесил в рамочку на стену в мастерской. Как-то раз он пригласил меня на ужин, познакомил с женой Марьям и тремя сыновьями. Средний сын Исмаэль, уже несколько дней, страдал какой-то лихорадкой, его знобило, тело зудело и было усыпано волдырями, глаза слезились. Позабыв об ужине я сбежал за братом. Войдя в дом Яша вымыл руки, потом осмотрел мальчика, коротко переговорил с Марьям и достал из саквояжа, с которым никогда не расставался, пузырёк с терпкой на запах мазью. К ночи Исмаэлю полегчало. Ужинали мы поздно и все вместе с Яковом и Ясминой, пили замечательное местное вино, кушали приготовленный матерью хозяина, плов по-Дамасски.

С тех пор мы подружались с Кемалем, теперь я приходил к нему каждый день и часами просиживал в мастерской. Приметив мой интерес, Кемаль постепенно стал учить меня своему ремеслу, даже нет, скорее искусству. Он оказался терпеливым учителем и уже через два месяца, я отчеканил свой первый браслет. Я сделал его из трёхцветного золота в виде саламандры, свернувшейся кольцом, а вместо глаз, вставил платиновые шарики. Позже я узнал, что этот браслет купил Яша и подарил его Ясмине. Мы стали работать вместе, первое время Кемаль помогал мне, присматривал особенно за полировкой, но со временем я стал управляться самостоятельно. У меня действительно хорошо получалось и вскоре Марьям, продала одно из моих изделий- брошь в форме цветка камелии. Вечером, того-же дня мы с Кемалем отпраздновали это событие. Закрыв мастерскую по-раньше мы отправились в бани, где провели остаток дня за душевной беседой, крепким, душистым чаем и персидским кальяном.

Однажды в лавку вошёл европеец в мятом светлом костюме и сдвинутой на затылок соломенной шляпе с круглыми полями. Он поставил в угол трость с костяным набалдашником, тщательно промокнул шею не очень свежим платком и достал из жилетного кармана большие, серебряные часы на цепочке. Все три стрелки часов равнодушно стояли, не обращая внимания на взволнованного хозяина, который объяснил нам на слабеньком фарси, что завтра вечером покидает Дамаск и для него очень важно, что-бы часы шли, причём точно по-Гринвичу. Аккуратно вскрыв обе задних крышки, мы увидели фантастическую конструкцию, состоящую причудливых шестерёнок и затейливых пружин, покоящуюся на полированных, рубиновых камнях-подставках. Обменявшись со мной быстрым взглядом, Кемаль попросил посетителя оставить часы и вернуться завтра в это-же время. Как только за ним закрылась дверь, мы забросили всю текущую работу и принялись разбираться в механизме. Той ночью мы сожгли две дюжины свечей, выпили кувшин крепчайшего арабского кофе и не на минуту не сомкнули глаз, механизм был разобран и собран несколько раз. Причиной его остановки стал треснутый маятник. Сперва мы попытались его починить, но он был сделан из неизвестного нам сплава и нам это не удалось. Тогда Кемаль вырезал новый

маятник взамен треснувшего старого, а я отполировал его и установил на место. На утро часы весело тикали, отсчитывая секунды, отмеряя минуты, отбивая часы...

За работой дни пролетали за днями быстро и незаметно, как песок сквозь пальцы. Вскоре я почувствовал, что стесняю Якова и Ямину и хотя они в один голос меня отговаривали, стал подыскивать себе отдельное жильё. Я попросил Кемаля помочь мне в поисках и он не раздумывая пригласил меня к себе. На следующий день, я перенёс свои вещи, они уместились в матерчатый, заплочный мешок...

Они приехали в Москву 24 июня 1945 года. С неба лил сплошной дождь. Столица встретила их усами, трубкой, белым кителем и лукавой улыбкой с гигантского портрета, украшавшего арку Белорусского Вокзала. На перронах было на удивление пусто. Не было обычной вокзальной суеты и толкотни, шума и гама приезжих, радостных возгласов встречающих. Не было и обязательного духового оркестра, только звонкие динамики на столбах, перекикая друг друга, славили Генералиссимуса радостной песней:

“...Сталин наша слава боевая,
Сталин наша юность и полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...”

Одиноким постовой, прятанный от дождя под узеньким козырьком газетного киоска, объяснил, что именно в это время на Красной Площади проходит Парад-Победы.

Отгнав вагон в охраняемое комендантским взводом депо, опечатав его и оформив все необходимые документы, Захар и Рощин отправились домой. Вымытая ливнем Москва, хмурилась низким небом. По брусчатке вдоль тротуаров, неслись бурные, потоки мутной воды. Сквозь ровные, серые тучи, то и дело пробивались редкие солнечные лучики, стремительно долетев до земли они мгновенно исчезали в тусклых лужах, не успев родить даже крохотного, солнечного зайчика.

Над городом висело вязкое напряжение, которое хоть немного, но всё-таки разбавлялось запахом свежее испечённого хлеба. Они давно отвыкли разгуливать без страха получить шальную пулю или подорваться на пропущенной сапёрами, противопехотной мине. С непривычки и от беспечности они быстро опьянели. Их несколько раз останавливал патруль, офицеры придирчиво проверяли документы и не находя причин к задержанию, разочарованно их отпускали. Они шли пешком, дышали полной грудью, беспричинно улыбались редким прохожим, распугивая тощих голубей, перепрыгивали через разукрашенные бензиновыми пятнами, гигантские лужи. Неожиданно Рощин замедлил шаг, а затем и совсем остановился:

- Здесь, - он кивнул подбородком, на тёмную арку с потрескавшейся штукатуркой, - давай перекурим, что-ли...

Захар достал союзнические, Алексей Петрович- “Казбек”. Присев на выступающий из стены цоколь, они закурили. Внезапно с крыши скатилось несколько тёплых, дождевых капель. Одна из них попала Захару за воротник гимнастёрки.

- Тихо как, не привычно... Будто и не было вовсе войны... - простодушно улыбаясь произнёс Рошин, оглядывая окрестные дома, потом втоптал окуроч в мощёную мостовую и уже серьёзно добавил, - вот мы и дома, рядовой Пандир. Захар сделал глубокую затяжку, оглянулся, посмотрел в усталые глаза дедушки и сказал:

- Война была...

Захар никак не мог уснуть на новом месте, то-ли слишком мягкий матрац, то-ли необычная тишина и переполненный озоном, непривычно чистый воздух, то-ли впечатления нескольких последних часов, не отпускали его в царство морфея. Заложив руки за голову, он лежал на постели в расстёгнутой гимнастёрке и всё прогонял перед глазами насыщенный событиями прошедший вечер. Как пожилая женщина, открывшая дверь, в которую они постучались, обняла Рошина и долго не отпускала, сотрясаясь в беззвучном плаче. Как придя в себя, она суетливо накрывала стол белоснежной скатертью. Как затем будто-бы вспомнив о чём-то важном, достала из шкафа два хрустящих чистотой полотенца и не взирая на протесты выгнала их мыться с дороги к колонке во дворе. Как пока их не было, она бегала по-соседям собирая хлеб, картошку, водку... А потом они сидели за столом в полукруглой комнате, под розовым парашютом абажура и слушали Анну Кирилловну, рассказывающую о том, чём они даже не догадывались там, на фронте- тыловом голоде, уголовном бесприделе, уличных расстрелах... Захар немного посидел и ушёл, сославшись на усталость, а за дверью ещё долго раздавались приглушённые голоса.

Оставшись один мальчик вспомнил маму и отца, на миг представил как-бы они сейчас радовались встрече с ним. На глазах непроизвольно выступили слёзы, но не скатились, а так и высохли на ресницах. Он вдруг очень явно ощутил запах той, самой последней халы, перемешавшийся с дымом их сгоревшего дома. За окном внезапно прогремел пушечный выстрел, за ним ещё и ещё. Захар вскочил и подбежал к окну, над Москвой висел Салют Победы. В эту минут в комнату влетел Рошин, схватив Захара за руку он без слов потащил его на крышу. Там уже были люди, задрав головы они с надеждой смотрели в расцветенное фейерверком бескрайнее московское небо.

Уснуть так и не получилось. У Захара разболелась голова, он открыл окно, придвинул к нему табурет, сел облокотившись локтями на подоконник и закурил, выдыхая дым в мирную Московскую ночь.

- Мне никогда не нравилось курить табак, - услышал он позади себя голос дедушки, - от него только запах противный да зубы желтеют...

- погоди, ведь ты сам мне рассказывал, как вы с Кемалем курили кальян.

- Ну во-первых это было всего несколько раз, а во-вторых, - дед хитро ухмыльнулся, - курили мы далеко не табак...

Они немного помолчали, потом старик продолжил:

- Захарка, ты видел, там часы напольные в углу?

- Видел...

- Это "Реджина Зонг", я уже заглянул в них- механизм живой, а вот фрикцион износился, да и вилка чуть погнулась. Ты почини их завтра. Эта не хорошая примета, когда в доме часы стоят. И кстати посоветуй переставить их подальше от окна; там влага...

- Хорошо дедушка, - Захар задёрнул тяжёлые гардины и пересел на кровать, - а теперь рассказывай...

- Мы опять шли, но в этот раз нам было много легче. Перед выходом из города Яков купил запряжённую мулом арбу, а я американский велосипед "Savoy", который кстати пришлось оставить, как только мы выехали за городские ворота.

- Подожди-подожди, дедушка, - прервал его Захар, - последний раз ты остановился на том, как переехал жить к Кемалю.

- А по-моему нет... - старик на мгновение задумался. В свете уличного фонаря, проникающего в комнату через неплотно задёрнутые гардины, было видно как он улыбнулся, - ты наверное заснул, а я продолжал говорить. Ну хорошо, придётся пересказать двух словах. Я действительно поселился в мастерской у Кемалья. Мы стали работать вместе, его жена Марьям с двумя помощницами, торговала в лавке, а мать присматривала за детьми и хозяйством. С каждым днём моё мастерство оттачивалось и в последнее время, Кемаль стал доверять мне самые сложные заказы. Я по-настоящему увлёкся ювелирным искусством, проводил в мастерской всё светлое время дня, а когда темнело, при свечах рисовал, придумывая новые детали, которым всегда уделял много внимания. Кемаль не уставал меня нахваливать и продолжал обучать, самые сложные элементы я записывал или зарисовывал в альбом. Предметом моей особой гордости стал золотой медальон с платиновыми вензелями и плоским алмазом, встроенным в крышку. Я сделал его по заказу того самого европейца, которому мы отремонтировали часы, а цепочку к нему подобрал из своего ассортимента, Кемаль. Это было первое изделие, которое я подписал своим именем.

Как-то раз в лавке Кемалья появились Яков. Это было странно, потому что обычно днём, брат был очень занят. Он вызвал меня из мастерской и мы вместе с ним перешли через дорогу в чайхану хромого друга Али, что-бы попить зелёного чая и поговорить в тишине и прохладе. Там, в тени огромного, оливкового дерева, брат напомнил мне о конечной цели нашего путешествия, сказал что хочет вскоре тронуться с места и спросил, сколько времени мне потребуется на сборы. Я подумал, что нескольких дней, мне хватит, что-бы закончить начатую работу, вообще мы решили двинуть в дорогу, через три дня. Уже на улице я увидел, что брат как-то неуверенно мнётся, вроде-бы хочет мне ещё что-то сказать, но не решается. Я не стал его ни о чём расспрашивать и мы распрощались.

Брови Кемалья изогнулись мусульманским полумесяцем, когда вечером того-же дня, я сказал ему, что собираюсь уезжать. Сперва он попытался меня остановить, но быстро осознав бесполезность уговоров, неожиданно попросил меня задержаться на неделю. Я легко согласился и написал брату записку, которую Исмаэль, средний сын Кемалья, тут-же отнёс Якову. Следующим утром Кемаль собрался в дорогу. Он передал мне все свои заказы, попросил присматривать за лавкой, поцеловал по-очереди всех своих сыновей и уверенно вышел за дверь. Вернулся он через шесть дней, покрытый с головы до ног дорожной пылью, похудевший, но счастливый. Выпив одним глотком целый кувшин воды, он достал из заплочной сумки большую шкатулку, изготовленную из полированного, орехового дерева и протянул её мне. Открыв медные защёлки

я потерял дар речи- в ней были ювелирные инструменты из дамасской стали. Придя в себя от радости, я её рассмотрел. Шкатулка была оббита изнутри красным шёлком и состояла из нескольких, отдельных ярусов. В каждом ярусе были вырезаны индивидуальные углубления, для каждого инструмента. Здесь были разнообразные держатели и зажимы, надфили всевозможных профилей и насечек, набор плоскогубцев и кусачек для загиба деталей, шпиг-ножницы с короткими ручками, пуансоны для штамповки, молотки с бойками различных форм, штихель для гравировки и даже маленькие тиски. В нижнем ярусе находилось самое ценное- измерительные инструменты и настольные весы с разновесами. Я вертел их в руках, гладил пальцами и даже нюхал, рядом стояли Кемаль и Марьям, их глаза светились радостью, от моего маленького счастья.

На следующий день мы уехали. Прощание было долгим, казалось простится с Яковом и Ясминой, собрался весь Дамаск. Их соседи загрузили арбу продуктами, водой и вином, Кемаль не смог оставить лавку и мы тепло попрощались с ним и Марьям, прямо в мастерской. А вот Исмаэль провожал нас до самых городских ворот. И его преданность была вознаграждена, он получил в подарок мой велосипед, потому-что прямо за городским воротами, мощёная песчанником дорога, превращалась в пыльную, разбитую верблюжью тропу...

Старик остановил, что-бы убедиться, что мальчик не спит. Пользуясь паузой, Захар задал ему вопрос:

*- Дедушка, а помнишь, тогда в чайхане, Яков тебе что-то не договорил?
- Уже в дороге я узнал, что Ясмина беременна. Кстати именно поэтому, он так торопился с отъездом...*

В сентябре 45го, Захар пошёл в школу. Его взяли в десятый класс двенадцатилетки, треть его одноклассников были фронтовики, награждённые боевыми орденами и медалями. Он жадно учился, втягивал, вбирал, впитывал в себя знания. Ночи на пролёт он читал, не желая тратить время на сон. Ему казалось, что новые знания заполнив собой мозг, вытеснят из памяти тоску по погибшим родителям, душевную боль и не проходящее горе. Но память не уходила, она давила гнетущим грузом, не давая вздохнуть во всю глубину лёгких. Она до дрожи в суставах, окружала ледяным страхом одиночества, стальной судорогой сводила сердце. Он пил водку, она помогала, притупляя ноющую боль оголённых нервов, но не на долго. Хмель быстро проходил, а боль возвращалась, и жгла ещё сильнее, как по живому.

Рощин видел и понимал его борьбу, он пытался говорить с Захаром, но всегда натывался на каменную стену. Однажды на трамвайной остановке, к Алексею Петровичу привязался бездомный калека, их тогда много было по всей Москве, да и по всей стране конечно. Калека протягивал полковнику затёртые карманные часы, предлагая купить их или поменять на водку. Вечером, когда Захар вернулся из библиотеки, Рощин зашёл к нему в комнату:

- Посмотри вот, приятель попросил помочь с ремонтом, - не моргнув глазом соврал он, - никакой спешки нет, когда будет время...

- Я сделаю... - взяв часы в руки Захар внимательно посмотрел на циферблат, затем чуть встряхнул, приложил их к уху, другое ухо прикрыл ладонью свободной руки и прислушался.

Ночью, видя что в комнате Захара горит свет, Рошин тихо отворил дверь. Захар сидел за столом, разглядывая в лупу разобранный механизм. Было очевидно, что мальчик совершенно счастлив. На миг Алексею Петровичу показалось, что Захар кого-то внимательно слушает. Он отступил назад и бесшумно прикрыл дверь. С этого дня, часы у его приятелей, стали “ломаться” раз в неделю.

Анна Кирилловна, привязавшись к Захару, полностью оградила его от бытовой суеты. Добровольно взяв на себя заботу о талантливом, по-словам её сына, мальчике, она дала ему тем-самым возможность, сконцентрироваться на учёбе. Получив аттестат зрелости, он подал документы на Исторический Факультет, Московского Государственного Университета. На вступительные экзамены Захар приехал на стареньком велосипеде Алексея Петровича...

Так-называемое “Трофейное Дело”, длилось почти год. Тогда у маршала Советского Союза, Георгия Константиновича Жукова, конфисковали несколько коробок с ювелирными изделиями и драгоценными камнями, ковры, сундуки с тканями и шубами, сотни вывезенных из Германии картин и гобеленов, 55 ящиков посуды и 20 охотничьих ружей. Суда над Маршалом Победы, разумеется не было. Его пожурили на Политбюро, заставили написать объяснительную записку и отправили сперва в Одессу, а потом на Урал, руководить военным округом. Почти все его помощники отправились, вместе с ним, но только не мягким вагоном, как их шеф, а этапом и под усиленным конвоем комендантской роты. Алексей Петрович Рошин, тоже проходил по делу, но не свидетелем, а соучастником.

За день до ареста, о котором Рошин явно догадывался, он попросил Захара позаботиться о матери. Они сидели на кухне, пили густой, самоварный чай, в углу, будто улавливая настроение хозяина, мрачно передвигали золочённые стрелки, отремонтированные Захаром “Реджина Зонг”. Алексей Петрович был настроен философски, казалось он признавал необратимость того, что с ним скорее всего произойдёт и бесполезность любого противостояния. Он также предполагал, что это их последний разговор:

- Я не говорю вычеркнуть из памяти, ни в коем случае... Ещё кто-то из античных мудрецов сказал, что человек забывший своё прошлое, не имеет будущего! Но если ты будешь жить прошлым, то навсегда в нём останешься, причём глубоко несчастным человеком. И ни твоя злость, ни обида, не помогут тебе избавиться от этого груза...

- А что поможет?

- Не знаю, наверное работа, точнее даже не работа, а дело! Я бы сказал любимое дело...

Они пришли посреди ночи, по-хозяйски шумно вошли, с порога привычно показали ордер на арест и обыск. Сонные понятия, новые соседи Рошинных, с любопытством поглядывали на деловито снующих по квартире милиционеров. Анна Кирилловна сидела в ночной рубашке рядом с сыном посреди кухни и держала его за руку. Захар подошёл и заботливо накрыл её плечи клетчатым пледом, она даже не шелохнулась. Длинный столбик пепла, с папиросы Алексея Петровича упал не белую скатерть. Они методично перевернули вверх дном всю квартиру, разбрасывая вещи, книги, дорогие сердцу матери фронтовые письма. На полу небрежно валялось зимнее пальто

Анны Кирилловны, сперва его переступали, затем бросили, наступали прямо на него, на слежавшийся каракуль воротника, крупные блестящие пуговицы. Закончив обыск милиционеры конфисковали толстый журнал заполненный записями, коробку фотографий и дюжину ручных и карманных часов, а так-же четыре будильника, почему-то показавшиеся подозрительными. Один будильник жалобно зазвенел, когда его швырнули в ящик с вещдоками.

По-окончанию процесса, приговором военного трибунала, Рощин был лишён правительственных наград и получил 15 лет строгого режима. Режим, кстати, усилили за особо крупные размеры хищений. Но лагерей Алексей Петрович избежал, он неожиданно скончался в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы, от кровоизлияния в мозг, за три часа до окончательного оглашения приговора. Смерть его была на-удивление своевременной. Выжившие участники этого дела, много лет спустя, объяснили Захару, что таким традиционным для СССР образом, Алексея Петровича лишили последнего слова, а полковнику Рощину, было что сказать и не только о великом полководце Жукове. Рощина похоронили на Даниловском кладбище, процессия состояла из двух человек...

Анна Кирилловна пережила сына на пять лет. Все эти годы она сильно болела, последние шесть месяцев почти не выходила из больницы. По её просьбе, её отпели в старенькой часовне Даниловского монастыря. После похорон, Захар ещё долго не шёл домой, кормил карамелью храбрых белок, бродил между двумя, дорогими ему могилами, вспоминал выцветающие из памяти лица своих... Внезапно он услышал рядом с собой, тихие шаги.

- Дедушка!? - он вздрогнул от неожиданности.

- Не пугайся Захарка, это я...

Захар не отрываясь смотрел на старика, тот совсем не изменился, ну может стал немного меньше.

- Почему ты не приходил все эти годы?

- Давай присядем вон там, - старик указал на скамейку между двумя молдыми берёзками, - что-то у меня поясница разболелась...

Они сели, старик кряхтя облокотился на спинку и вытянул ноги, Захар потянулся за сигаретами.

- Только не кури, ради Бога, это-же кладбище...

Захар послушно спрятал сигареты в карман.

- Мне показалось, я отвлекаю тебя от главного...

- ... Захар молчал, не отрываясь глядя в выцветшие глаза деда.

- Ну как бы тебе объяснить, я не хотел отвлекать тебя от жизни!

- А сейчас? Сейчас ты хочешь отвлекать меня? - в словах Захара чувствовалось горечь обиды.

- Нет, не хочу, я просто очень соскучился, - старик улыбнулся, - прости меня за эту слабость... - и примирительно добавил, - ты помнишь на чём мы остановились?

- На том, что Ясмينا беременна...

- Да действительно, и брат сказал мне об этом только в дороге. Но к тому времени я и сам уже догадался. Яков стал как-то чересчур бережно к ней относиться, например не разрешал ей долго быть на солнце, а на-ночь укрывал её дополнительным одеялом. Было видно, что это иногда раздражало Ямину,

но она никогда ни перечила его словам, только нежно улыбалась. Однажды проснувшись ночью, в мерцании затухающего костра, я увидел, как Ясмينا приподнявшись на локте, гладила спящего брата ладонью по щеке и что-то шептала, может молилась...

- Нет дедушка, мусульмане так не молятся... - поправил старика Захар.

- Хм... Я знаю, но мне всё-же показалось, что она обращалась за советом к Богу...

Потом было много чего... Захар закончил университет, остался аспирантом на кафедре, стал собирать материал для научной работы. В этот-же год умер Сталин, посмертно превратившись из отца народов в деспота и тирана. Вместе с ним канули в лету главные события сталинской эпохи-коллективизация, индустриализация и массовые репрессии. К удивлению большей части советских людей, жизнь после смерти гениального полководца, корифея всех наук, друга детей и физкультурников, не остановилась. А даже наоборот! По стране семимильными шагами, одна за другой, триумфально шествовали пятилетки. Народ выполнял и перевыполнял планы партии, участвовал и побеждал в соцсоревнования, поворачивал вспять реки и двигал в заданном направлении горы.

Занявший освободившееся на Олимпе место Никита Хрущёв, быстренько заклеил позором и предал анафеме своего бывшего начальника. Прославив либералом, он засадил страну маисовыми злаками, типовыми панельными пятиэтажками и баллистическими ракетами, а потом окружил её высоким, “железным занавесом”. Вскоре полетел в космос и главное вернулся от-туда назад, первый космонавт-землянин Юрий Гагарин.

Захар много работал, он защитил кандидатскую диссертацию, колесил по стране, участвовал в научных симпозиумах, консультировал столичную киностудию. Его компетентность в кругах коллекционеров была неоспоримой, к его рекомендациям прислушивались столичные антиквары, в нескольких случаях с ним совещались товарищи из МВД и Шереметьевской таможни.

Тем временем Никиту Хрущёва сместили на заслуженный отдых, а “свято место” занял опытный аппаратчик и бывший гвардии-полковник, азартный доминошник и заядлый охотник, ценитель дружеских застолий и заграничных автомобилей, любимец женщин и преданный болельщик ЦСКА, обаятельный Леонид Брежнев. Его действительно любили в народе, на выборах его кандидатура, собирала самое большое в мире количество голосов. Его выдающиеся заслуги перед Родиной и партией, его литературный талант и мудрое управление экономикой и внешней политикой страны, возродили в народе полузабытый жанр анекдота. Генсек обладал твёрдым характером, не отдал Прагу чехам, Будапешт венграм, а Вьетнам американцам. Дорогой Леонид Ильич, поддерживал дружеские отношения с мировыми лидерами, Анастасио Сомосой и Пол Потом, Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном, Менгисту Хайле Мариамом и Фидельем Кастро. К концу карьеры, кроме множества премий в области литературы, науки и культуры, Маршал Советского Союза Л.И.Брежнев, заслужил более двухсот орденов и медалей, это намного

превышало количество наград всех руководителей стран Варшавского Договора, вместе взятых.

Получив докторскую степень Захар женился, но семейная жизнь не заладилась. Какое-то время он держался, доставал стиральную машину и пылесос, убеждал себя что счастлив, что рядом жена, а это самое главное. Вскоре не выдержав конкуренции с любимым делом, жена разорвала узы Гименея. Вернувшись из короткой командировки он просто не нашёл ни её, ни её вещей. Не было даже банальной, прощальной записки, только над кухонным столом к стене была приклеена вырванная из паспорта страничка с печатью о законном браке. Захар с облегчением вздохнул и ещё глубже окунулся в науку, в свой мир, где кроме работы и книг, его мало что интересовало. Так или иначе, меньше чем за год, он и не заметил, как снова остался один. Бытовая суета недолгого супружества посеяла панику в его душе, иногда в его жизни появлялись женщины, но длительные отношения с ними никак не складывались.

Между тем безвременно покинувшего бранный мир Брежнева, заменил Юрий Владимирович Андропов. Он обладал скорым умом и связной речью, выделялся интеллектом на фоне остальных членов Политбюро, располагал замашками государственного и политического деятеля, имеющего новые цели. Правда вот для достижения этих новых целей, он использовал старые, проверенные его предшественниками методы- лагеря и психиатрические больницы. Новые цели на поверку тоже оказались давно забытыми старыми- борьба с диссидентским движением, ужесточение идеологического контроля и репрессии против инакомыслящих. И хотя цена на водку была снижена уже в первые месяцы правления, новый генсек так и не снискал любви ни у обычных граждан, ни у своих партийных товарищей. Страх был, а вот с уважением и всенародной любовью кремлёвские идеологи подкачали. И тогда страна вздрогнула, ведь из памяти многих ещё не стёрлись лихие Сталинские годы. Вскоре, после того как доблестные советские асы подбили южнокорейский пассажирский Боинг, вздрогнул весь остальной мир. Но грандиозным планам Андропова не суждено было сбыться. У него отказали почки и не пробыв у власти и трёх лет он занял почётное место на кладбище у Кремлёвской Стены.

В наследство от Андропова, Константин Устинович Черненко получил личные апартаменты в Центральной Кремлёвской Больнице с круглосуточно дежурившей бригадой реаниматоров. Новый лидер оказался болезный и не злой. И хотя был он герой и орденосец, у советского народа- вечного строителя Коммунизма, складывалось впечатление, что престарелый генсек боится даже собственных тапочек. За год с мелочью Константин Устинович многого не успел- “сгорел” как-говорится, на работе. Его главными достижениями можно считать бойкот олимпийских игр в Лос-Анджелесе и расстрел бывшего директора Елисеевского гастронома.

С недавнего времени страной руководил относительно молодой, но принципиальный коммунист, некто Михаил Горбачёв. Он с места в карьер взялся за реформы. В первую очередь он решил перестраивать не построенное...

На встречу с Витольдом Мазуром, Захару пришлось ехать в Ленинград. Витольд Адамович Мазур, ювелир и коллекционер, признанный знаток и компетентный специалист в области ювелирных ценностей, положил медальон на зелёную бархатную салфетку и со всех сторон рассматривал его в лупу.

- Желаете чай с лимоном? - ювелир оторвался от лупы и посмотрел на Захара, большими, прозрачными глазами.

- Нет спасибо...

- А я желаю! Чай попил- душа согрелась, - проговорил он с едва уловимым акцентом.

Чудом выживший офицер Войска Польского, выучил русский язык в Норильлаге. Вышел он по-амнистии 53-го, но в Польшу не вернулся, страшился упрёков в том, что остался жив. Поселился он в Ленинграде, не далеко от собора Успения Пресвятой Девы Марии, но в церковь не ходил...

- С ним должна быть цепочка, - проговорил он, не отрывая глаз от медальона.

- К сожалению она не сохранилась.

- Как жаль, как жаль. Ну что-ж, интересная вещь, и знаете чем? - не дождавшись ответа Витольд Адамович продолжил, - медальон работы начала 19 века, а камню лет триста, а то и больше. К тому-же шлифовка не российская и не европейская, скорее это Восток...

Коллекционер отложил лупу и водрузил на нос очки, в тонкой металлической оправе.

- Сейчас почему-то принято считать, что в украшении главное масса золота и количество бриллиантов, на самом деле совсем не так, главное это божий дар и руки мастера, - он наклонил настольную лампу, - вы только взгляните на исключительной красоты и тонкости, платиновые накладные вензеля! Ведь они уникальны, хотя-бы тем, что выполнены в ручную, а не штампом. Видно мастер придавал большое значение деталям, таких сейчас почти не осталось...

Обратите также внимание на то, что бриллиант совсем не играет, хотя большой и чистый, знаете почему?

- Наверняка это связано с освещением, - то-ли спросил, то-ли ответил Захар.

- Вы правы, - Витольд Адамович удовлетворённо кивнул, - в семнадцатом веке не было электричества и алмазы гранили под огонь восковых свечей... - он внезапно замолчал, - погодите, а ведь он с секретом...

Держа медальон двумя пальцами, он аккуратно открыл крышку, затем пинцетом нажал на едва видимый крючок. Ничего не произошло. Тогда он окунул краешек пинцета в баночку с машинным маслом и провёл им по окружности медальона и по пружинке крючка, затем ещё раз на него нажал, теперь потайная крышка легко поддалась. Под ней оказалась вырезанная под внутренний размер, очень чёткая фотография. Витольд Адамович протёр пинцет салфеткой и зажав им карточку легко вытащил её под зажимов. На ней были изображены женщина в шляпке и мальчик, на фоне дома с острой крышей. На оборотной стороне была надпись, сделанная каллиграфическим почерком.

- Понимаете немецкий? - спросил коллекционер, внимательно разглядывая снимок.

- Нет...

- Ну тогда с вашего позволения...

Он быстро прочитал и тут-же перевёл: “Дорогому Эрику от Греты и Петера! Это мы у стариков-Кёлеров. Лейпциг. 1943 год.”

Захар машинально потянулся за сигаретами, быстро прикурил, глубоко затянулся и задержал дым в лёгких на сколько хватило сил. Перед глазами стояли стёртые до крови ладони, Эрика Кёлера...

- А вот ещё очень интересная и важная деталь, - продолжал Витольд Адамович, допивая чай, - посмотрите вот здесь видно клеймо автора, которое раньше было закрыто снимком, - он опять снял очки и взял в руки лупу, - “Д.Пандир, 1898” Видите я ошибся всего на два года... - неожиданно глаза коллекционера округлились, - погодите... Матка-Божжка... Иезус Мария, да ведь этот медальон изготовил ваш...

Пообедав в кафе с легендарным названием “Общепит”, тем же вечером, Захар вернулся на Московский Вокзал, где у перрона нервно вздрагивала от нетерпения “Красная Стрела”

В купе его уже ждал дедушка.

- Почему ты не рассказал мне об этом?- Захар закрыл дверь и снял пиджак.

- Ты должен был всё узнать сам...

- Ну хорошо, я узнал. Теперь ты можешь рассказать?

- Пожалуйста, но рассказывать вообще-то нечего. Того европейца, что заказал медальон, звали Герр Кёлер. Бриллиант он привёз с собой, по его словам этот камень принадлежал его семье на протяжении трёх столетий. А медальон он хотел подарить жене, которая вскорости должна была разрешиться от бремени. Это всё...

Захар расслабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки:

- Я пойду в ресторан “Боржомы” куплю, - он достал кошелек из внутреннего кармана пиджака, - и попрошу анальгин у проводника, что-то голова разболелась.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Оставшийся в купе растерянный старик, не моргая уставился на подсвеченный фонарями перрон Московского Вокзала.

Поезд легко качнулся и медленно тронулся с места, из вокзальных динамиков гремел “Гимн великому городу” Глиэра.

Вернувшись в купе, Захар выключил радио и не раздеваясь прилёг на полку. Головная боль медленно проходила, он пригрыл глаза...

То, что мы уже на земле предков ни я, ни Яков не сомневались. Это чувствовалось по низкому небу, по языковой разноголосице, по узнаваемым лицам. Из воды Галилейского моря, словно греясь на солнце, выступали покатые спины крупных и мелких валунов, они тянулись вдоль берега, сливаясь с горизонтом. Пахло рыбой и водорослями. С минарета надоедливо пел муэдзин, напоминая правоверным магометянам о времени вечерней молитвы. Низкое оранжевое солнце, ласкало длинными лучами маленькие деревеньки, выросшие на окружавших море холмах, будто раскинутые Аллахом кости. В окнах самых зажиточных домов вспыхивали и мерцали свечи. Чистый воздух

дрожал, как марево после жары, небо медленно укрывало землю, плотным арабским атласом.

Мы решили заночевать у стен крошечного, католического монастыря ордена Святой Ядвиги Силезской, расположенного у подножья двух холмов, похожих на спящего верблюда. Ясмина уже вторую неделю плохо себя чувствовала, у неё постоянно кружилась голова, она почти ничего не ела. Когда солнце окончательно скрылось за горами, из ветхих монастырских ворот вышла монахиня и направилась к нам. В сухой ладони, она механически перебирала сандаловые чётки. Она поздоровалась с нами на польском языке, мы представились, услышав нашу фамилию она перестала перебирать чётки и медленно перекрестилась, не сводя с нас глаз. Потом обратилась к Ясмине на фарси. Немного поговорив с ней и скользнув взглядом её бледному лицу и округлившемуся за последнее время животу, настоятельница монастыря, пани Ангелика, пригласила Ясмину на ночлег в монастырь, предложив ей горячий ужин и баню. Мы проводили их до ворот, у входа мы остановились.

- Я врач, если у вас есть больные, я их осматрю, - брат сказал это в спину пани Ангелики

- Дзенкуе бардзо, слава Господу, все здоровы... - она опять перекрестилась, - молитвами спасаемся от хворей.

Чуть погодя ворота опять открылись, две одетые в чёрные до пят балахоны монашки, вынесли скамейку и маленький столик, на котором установили глубокое блюдо с крупно нарезанными овощами и рассыпчатой овечьей брынзой, пиалу с подсоленным оливковым маслом, тёплый, пахнувший домом хлеб, от которого мы давно отвыкли.

Утром я пошёл искупаться в море, брат отказался, сославшись на то, что остаётся ждать Ясмину. Узкая тропа вела меня через живописный лимонный сад- три дюжины увешенных крупными, экзотическими плодами деревьев. Через четверть часа, я уже плескался в прохладной, воде пресного моря. А затем, пока не началась жара, обошёл затерянное между каменными глыбами, арабское кладбище. Разбросанные по склону холма надгробья, напоминали старинные, винные сосуды. Некоторые из них, я зарисовывал в свой альбом. Когда я вернулся, то застал Якова и Ясмину, мирно дремавшими на толстом верблюжьем одеяле, в тени оливкового дерева. Рядом громко чавкая, пасся наш мул, которого Ясмина назвала "Салам", а я шутя называл "Шалом". Мул с удовольствием откликался на оба имени. Ясмина выглядела отдохнувшей, увидев меня она приветливо взмахнула рукой и улыбнулась. Я протянул ей лимон, она поднесла его к своему лицу, глубоко вдохнула его запах и закрыла от удовольствия глаза.

Вскоре мы тронулись в путь. Настоятельница монастыря, пани Ангелина, попросила подарить ей фигурку девушки, которую я от дорожного безделья, выстрогал из сухой, кедровой ветки. Монашки передали нам с собой пол дюжины толстых свечей, завёрнутый в бумагу кусок душистого, цитрусового мыла, три большие засолённые рыбы и три буханки хлеба, сложенные в соломенную корзину. Все десять дней пути до Иерусалима, хлеб оставался мягким и свежим. Я несколько раз оглядывался и видел, как пани Агнеска, смотрела нам в след, пока мы не скрылись из виду.

- Захар Михайлович, вот документы которые вы заказывали, - стук каблуков секретарши, растворился в сером ковровом, покрывающем пол небольшого, уютного кабинета.

- Спасибо Леночка, давайте я их прямо сейчас посмотрю...

Она аккуратно положила папку на стол и тихо вышла, плотно прикрыв за собой тяжёлую дверь с медной табличкой: "Пандир Захар Михайлович. Директор Архива". Перед тем как взяться за документы, Захар открыл окно. Помещение мгновенно наполнилось звуками города- шелестом листьев, визгом тормозов, обрывками музыки, вылетевшей из автомобильных салонов, звонким детским смехом из соседнего парка. Захар любил этот фон, он помогал ему сосредоточиться, а когда надо расслабиться. К вечеру, целый день прятавшееся за облаками солнце, неожиданно ярко осветило город. Парившая над городом пыль, засверкала электрическими искрами в его косых, почти прозрачных лучах. Вернувшись к столу, Захар включил настольную лампу, подвинул к себе папку и стал внимательно читать документы. Он почти закончил, когда "песня города", нарушила телефонная трель.

- Захар Михайлович, это фрау Ленц... Я соединяю?

Взгляд Захара машинально опустился на край стола. Там в рамке под стеклом, стоял слегка пожелтевший от времени фотоснимок. На нём была запечатлена молодая девушка, её светлые волосы были завязаны узлом на затылке, в руке был зажат карандаш, которым она что-то увлечённо рисовала в альбоме.

- Конечно соединяй... Спасибо!

- Захар, я нашла её... - помехи международной связи, делали и без того взволнованный голос Элисы Ленц, чуть ли не трагическим, - она живёт in der Stadt Magdeburg, ты не представляешь... Фрау Кёлер после войны, два раза die ehe zu betreten, как это по-русски, входила в брак...

- Была замужем...

- Именно так, danke, была замужем. И оба раза меняла фамилию...

- погоди Эля, давай всё по-порядку, - остановил её Захар.

- Ну вот, а ещё упрекают англо-саксов в отсутствии эмоций... Gut, начнём с начала, - Захар почувствовал, обворожительную улыбку на другом конце телефонного кабеля, - guten tag, мой дорогой...

Элиса, давно уже пыталась найти майора Кёлера либо его потомков, но это оказалось не просто, даже при пресловутой немецкой педантичности. Оказалось, что на Восточном фронте, служило 24 офицера Вермахта по фамилии Кёллер и в чине майора. Девятнадцать из них погибли на фронте или пропали без-вести. В живых сейчас было только четыре человека, но все они спаслись благодаря тому, что после капитуляции Германии, бежали в западную оккупационную зону. Один правда вернулся в ГДР из русского плена, но умер от туберкулёза не прожив и года. Теоретически, потомком разыскиваемого майора, могли быть родственники любого из девятнадцати погибших или пропавших без вести, но определить кого именно было невозможно, ведь Захар не знал даже имени Кёлера, не говоря уже о месте рождения или возрасте. Теперь-же, когда Витольд Адамович Мазур, обнаружил фотографию и надпись не её оборотной стороне, получить информацию о семье майоре Вермахта, Эрике Кёлере из Лейпцига, оказалось делом времени и связей. Элисе это удалось менее, чем за месяц.

Крыша берлинского железнодорожного вокзала Остбанхоф, напоминала хребет с рёбрами гигантского, доисторического животного. Ступив на перрон, Захар первым делом направился к цветочному ларьку, где купил букет белых роз. Над привокзальной площадью видел густой, серый смог. Пробиваясь через пёструю толпу, Захар уверенно пересёк площадь по диагонали и двинул к маленькому угловому кафе с непроизносимым названием “Gebäck”, где его должна была ждать Элиса. Она сидела за столиком, рассматривала яркий глянецовый журнал, перед ней дымился ароматный кофе. Захар невольно залюбовался её ладно скроенной фигурой, прямой осанкой. Она была из тех женщин, которым возраст безусловно добавляют шарма, которые с годами словно расцветают, входят в форму идеальной привлекательности. Элиса искренне обрадовалась увидев Захара, потом поднесла букет к лицу и глубоко вдохнула его аромат. Они заказали ещё кофе и марципановый рулет, неторопливо позавтракали, затем выкурили по сигарете, забрали из подземного гаража новенький Элисын “Вартбург” и отправились в Лейпциг.

Элиса хотела поскорее убраться из Берлина, здесь её раздражало практически всё: огромное скопление автомобилей, грубость водителей и невнимательность пешеходов, сложность дорожных развязок, тяжёлый воздух насыщенный выбросами, расположенных вокруг города химкомбинатов. Выехав за город, она почувствовала себя уверенней. Дышать действительно стало легче, типовые многоэтажки сменили холёные, пригородные коттеджи. Вскоре и они остались позади, Захар приоткрыл окно и восхищался ухоженным ландшафтом. Он не первый раз приезжал в Германию, но всегда поражался безупречной чистоте, не только столичных улиц и площадей посещаемых в основном туристами, но и всей страны- небольших посёлков, железнодорожных полустанков или маленьких, сельских магазинчиков. Широкое, ровное, как зеркало шоссе, было окружено зелёными лугами и сенокосами. Казалась эти поля, были смоделированы с геометрическим совершенством. Время от времени дорога ныряла в короткий тоннель, иногда поднималась в гору, изредка объезжала озеро или кладбище, но всегда была безукоризненно гладкой и ровной.

Элиса разыскала его в конце шестидесятых. Захара неожиданно вызвали в отдел кадров института, в котором он работал. Как только он вошёл в кабинет кадровик осторожно выскользнул, оставив его наедине с невзрачным человеком татаро-монгольской внешности, в мятном сером костюме. Человек сидел на краешке стола и с аппетитом ел зелёное яблоко, он с хрустом откусывал большие куски и не жуя их проглатывал. Покончив с фруктом, он рывком поднял на Захара острые, словно наконечники стрел глаза и как-то странно начал разговор.

- С чего бы это нас разыскивала гражданка ГДР?

- ...

- Некто фрау Элиса Ленц, художница между прочим, - он по-ковбойски хлётко выхватил из заднего кармана брюк сложенный в четверо лист бумаги, развернул его и прочитал, - участница международных экспозиций. Её картина “Спящий солдат”, выставлена на ВДНХ в павильоне СЭВ.

... - Захар недоуменно молчал.

- Значит не знаете... Или не помните... Или не хотите вспомнить... - он зачем-то стал говорить короткими фразами, - а вот мы помним... Например помним, как в сорок втором под Ташкентом при очень подозрительных обстоятельствах, исчез грузовик с медикаментами, - он прищурил и без того узкие глаза.

- Послушайте, - не выдержал Захар, - вы можете мне объяснить, что вы от меня хотите?

- Мы хотим вам помочь! Помочь всё вспомнить...

- А разве я просил о помощи?

- Ну ка немедленно прекратить балаган, - человек наконец-то встал со стола, он оказался на целую голову ниже Захара, - зря я сюда приехал, нужно было вас вызвать к нам. У нас многие вспоминаю, то чего раньше не знали. Доводилось бывать на Лубянке?

- Послушайте, как вас зовут?

- Называйте меня Валентин Валентинович, пока...

- Я и вправду не понимаю, что вы от меня хотите...

Тогда Валентин Валентинович, вытащил из того-же кармана, уже другую бумажку, но то-же сложенную в четверо и швырнул на стол. Захар развернул её и хотя прошло уже больше двадцати лет, моментально узнал Элису.

Они встретились на ВДНХ. Элиса была в Москве с какой-то делегацией, ей едва удалось вырваться на несколько часов. В павильон СЭВ, она вошла раскрасневшаяся от мороза, в её светлых волосах медленно таяли снежинки. Они стояли под картиной, на которой был изображён пьяный спящий Захар и не могли оторвать взгляд друг от друга. Растаявшие снежинки превратились в маленькие капельки и изумительно сверкали, отражая свет хрустальной люстры. Вскоре динамик-полиглот напомнил на двенадцати языках, что павильон закрывается через четверть часа. Когда помещение совсем опустело, Захар снял пальто, расстелил его на полу и достал из кармана бутылку водки. Заведующий павильоном, узнав известную художницу оставил им свет, а потом даже принёс стаканы и несколько марокканских мандарин. Элиса давно уже опоздала на все запланированные мероприятия, она положила голову Захару на плечо и слушала, и слушала... Слушала про первую бомбёжку унесшую жизни всей семьи, слушала про неожиданную эвакуацию, про медальон Кёлера, про гибель Рощина. Захар пил и рассказывал, как после смерти Анны Кирилловны, по доносу соседей, его выселили "с незаконно занимаемой жилплощади", как он четыре месяца жил на Киевском Вокзале, пока не освободилось место в университетском общежитии, как днём он учился, а ночами работал на строительстве подземных переходов. В словах Захара было столько боли и одиночества, что на глазах Элисы, несколько раз появлялись слёзы.

Остатки водки, Захар отдал дежурившему на улице Валентину Валентиновичу. Он прятался за тумбой с облезшими афишами, пытаясь защититься от метели. Схватив бутылку окоченевшими пальцами, он лихо сорвал с неё зубами пробку и опрокинул в себя голубоватую, в свете фонаря, жидкость. Когда последняя капля медленно скатилась в его горло, он громко икнул, смущённо улыбнулся, двинув высокими скулами и благодарно посмотрел в глаза Захару. В это время резкий порыв ветра поднял в воздух фонтан снежинок, Захар прижал к себе Элису и они пошли к стоянке такси...

С того времени каждый раз, когда Элиса приезжала в Москву или Ленинград, Захар брал на работе отпуск и они проводили время вместе. В один из приездов Элиса предложила Захару поехать в его родной город, он было загорелся, а потом передумал, так и не объяснив причины.

Проезжая маленький, живописный городок Шкёдиц, Элиса притормозила.

- Поедем пообедаем или сразу в клинику?

- Как тебе удобно.

- Я думаю перекусать...

- Перекусить, - поправил её Захар

- О да, перекусить, быстрый mittagessen, потом купим конфет для Михаэля и поедем в клинику.

Захар согласно кивнул.

Они оставили автомобиль в переулке возле кирхи. Им приглянулась крохотная закусочная с пёстрой вывеской на противоположной стороне площади. В помещении густо пахло пивом и копчёнными сосисками, они выбрали столик на улице и к ним тут же подошёл официант. Элиса не спрашивая Захара (она прекрасно знала его вкус) сделала заказ и достала из сумочки перламутровый портсигар.

Четырнадцать лет назад, Элиса родила сына. Мальчик родился больным, муж уговорил её отдать ребёнка в приют. Она даже не успела дать ему имя, Михаэлем его назвала нянечка в отделении новорожденных. Элиса сопротивлялась, но всё-же уговоры мужа и свекрови взяли верх. Два месяца она сходила с ума от тоски, умоляла мужа вернуть ребёнка, даже стала пить успокоительные капли. Муж не соглашался, выдвигая новые и веские доводы, тогда она сделала это сама. Однажды вернувшись с работы и услышав детский плач, он без слов собрал вещи и не сказав ни слова ушёл. Через пол года они развелись. Забота о ребёнке занимала всё время, Элиса забросила живопись, подрабатывала иллюстратором одновременно в нескольких журналах. Через восемь лет болезнь обострилась, Михаэля больше нельзя было держать дома, мальчик перестал её узнавать, у него начались частые обмороки и припадки. Одна из подруг посоветовала ей хорошую клинику, именно для детей с такой инвалидностью. Клиника находилась в Лейпциге, в двух часах электричкой от Дрездена и располагалась в старинном замке с острой черепичной крышей, окружённым фруктовым садом. Главврач и по-совместительству директор клиники доктор Петер Вебер, был прекрасным специалистом и очень добрым человеком. Он обстоятельно объяснил Элисе, что мальчику будет лучше находиться, под присмотром квалифицированного медицинского персонала. Элиса уехала с тяжёлым сердцем, она навещала Михаэля каждые выходные и действительно, со временем убедилась в правоте доктора Вебера.

Теперь у Элисы появилась масса свободного времени и что-бы отвлечься от тяжёлых мыслей, она снова взялась за кисть. Она сняла небольшой дом на окраине города с крохотным двориком, выходящим на берег Эльбы и Мост Августуса. Одну из комнат она переоборудовала в мастерскую, установила огромные окна пропускающие в помещение больше света. Только сейчас, она поняла, как соскучилась по запаху свежей масляной краски, скрипу кисти о сырой холст, ощущению полёта художника, рисующего небо. Однажды копаясь

в своих старых альбомах, она наткнулась на угольный эскиз спящего солдата. На оборотной стороне листа, нервным прыгающим почерком, на русском языке была сделана надпись: “Рядовой Захар Пандир. Май, 1945 год”. И тут она вспомнила... Вспомнила молодого, пьяного солдата, спящего на шинели в Дрезденской Галерее Старых Мастеров. Вспомнила офицера с добрыми глазами, поющего “Катюшу”. Вспомнила, что это именно он подписал эскиз, а потом ушёл не попрощавшись, взвалил на себя пьяного солдата, оставив ей мешок с галетами и американской тушёнкой. И тогда, натянув на раму чистый холст и смешав краски, она почти не глядя на эскиз, по-памяти стала писать спящего солдата. Солнце давно утонуло в Эльбе, за окном неистово трещали цикады, от нехватки света у Элисы слезились глаза. За ночь, она несколько раз заваривала кофе, под утро, падая с ног от усталости, она так и уснула в измазанном краской комбинезоне, на коротком диванчике напротив мольберта.

Сперва картина была выставлена в Берлинской Художественной Галерее, потом её приобрело Министерство Иностранных Дел для посольства ГДР в Москве. Затем “Спящий Солдат” несколько лет украшал стену конференц-зала посольства, и только после этого, картину передали в дар ВДНХ. Год спустя Элиса разыскала Захара...

Дорога в Лейпциг заняла немногим больше часа, на шоссе случилась авария и им пришлось дожидаться в пробке, пока полиция разберётся с инцидентом и восстановит движение. Элиса остановилась возле небольшого магазинчика и вышла купить конфет, когда она вернулась Захар ждал её у двери.

- Далеко отсюда?
- Пять минут.
- А пешком?
- Может пятнадцать-двадцать...
- Давай пройдемся?
- Конечно... Только я возьму свою сумочку и закрою авто...

Нежные лучи августовского солнца лёгкими касаниями ласкали землю. На улицах, сонного города, было тихо, как в лесу. Они неторопливо шли по теневой стороне узкого мощённого переулочка. Мимо них изредка проезжали велосипедисты, один раз тихо урча мотором, тишину нарушил мотороллер. Внезапно Захар остановился и замер, потом лихорадочно стал рыться в карманах, не отрывая взгляда от старого каменного здания, возвышавшегося над коттеджами современной постройки.

- Захар, что с тобой? - взволнованно спросила Элиса.
- Всё в порядке. Это и есть клиника? - Захар держал в руках медальон Кёлера. Не дожидаясь ответа он открыл крышку медальона и протянул его Элисе, - смотри, Эля...

- Meinen Gott... - Элиса накрыла губы ладонью.

Ошибиться было не возможно... На снимке чётко вырисовывался силуэт крыши и круглого окна на фасаде- клиника находилась в доме принадлежавшем до войны семье Кёлеров.

Здание, похожее на маленький средневековый замок, было окружено высоким, тщательно подстриженным зелёным кустарником. Во дворе играли дети, все они были похожи друг на друга- плоские лица, большие головы,

влажные любопытные глаза, приоткрытые рты с характерной улыбкой. Болезнь стёрла с их лиц почти все черты индивидуальности. Элиса сразу увидела Михаэля, он стоял в группе детей и монотонно размахивал руками, как лопастями мельницы. Элиса подошла к санитару, он со стороны наблюдал за своими подопечными. Они немного поговорили и санитар позвал Михаэля, тот подошёл продолжая размахивать руками. На мать он вообще не обращал внимания. Санитар ему что-то сказал и ребёнок неуклюже побежал назад.

- У него уже несколько дней приступ, в такие дни он неуправляем... - перевела Элиса. Было видно, что она расстроена. Оставив кулёк с конфетами санитару, они отправились в клинику. У самого входа Захар сказал, что подождёт её на улице и присел на скамейку в тени грушевого дерева. Рядом со скамейкой находился маленький фонтан в виде рыбы, изо рта которой лилась вода. Над рыбой лениво кружили стрекозы.

Там его уже ждал дедушка.

- Дед, Эля нашла жену того майора.

- Это замечательно! На сколько я понимаю, ты собираешься передать ей медальон?

- Именно так...

- Знаешь что Захарка, мне бы хотелось ещё раз на него взглянуть.

Захар достал медальон из кармана и протянул его старику. Бриллиант тускло парировал, лёгкий лучик солнца, случайно пробившийся через густую листву.

- Я полюбуюсь им на твоей ладони, только ты открой его... - Захар послушно открыл обе крышки. - Ты видел, вот здесь под фотографией должно быть моё клеймо?! У меня тогда ещё не было отпечатка и я выгравировал имя и фамилию.

- Я видел дедушка... И честно говоря из-за этого, мне немного тяжело с ним расставаться...

Захар аккуратно вытащил фотографию и положил на ладонь рядом с медальоном.

- А где Элиса, - неожиданно спросил старик, - я хотел бы на неё посмотреть.

- Она у директора клиники, доктора Петера Вебера...

- Петер... - старик усмехнулся, - тот немец тоже собирался назвать своего сына Петер. Я помню он говорил, что хочет сына...

Последних слов Захар уже не слышал, сжимая в руке медальон он нёсся в замок Кёлеров. Они чуть не столкнулись на крыльце, директор вышел провести Элису.

- Захар познакомься, это доктор Вебер!

- Очень приятно, - выдохнул Захар, пожимая сухую, крепкую ладонь.

- Es ist mein alter freund der russische historiker, her Zahar Pandir, - Элиса представила Захара.

- Эля, я должен тебе что-то сказать.

- В эту минуту?

- Да, поверь это очень важно!

- Gut, говори...

- Спроси у доктора есть ли у него другая фамилия?

Элиса смутилась, но перевела вопрос. Ответ Захар не дослушал, он и так всё понял... После войны, мать настояла, что-бы Петер взял фамилию её семьи.

Она не без оснований полагала, что служба отца на Восточном фронте, может дать основания новым властям, для преследования сына. Сама-же она вскоре вышла замуж и тоже сменила фамилию.

Петер пригласил их в свой кабинет, но Элиса отказалась и они решили посидеть в саду. Вокруг беседки цвёл шиповник. Над густыми кустами, отталкивая друг-другу от сочных бутонов, трудились беспокойные пчёлы. В центре беседки на раскладном столике накрытым светлой скатертью, стояла хрустальная пепельница, три стакана из тонкого стекла и бутылка минеральной воды. Захар не отрываясь смотрел на нервно поднимающиеся со дна бутылки, бесконечные пузырьки газа.

- Последнее письмо от отца мы получили в самом конце 44-го, за несколько дней до рождества, - Элиса переводила тихий, мягкий голос Петера, - бабушка к тому времени уже умерла, а дед после этого письма слёг и уже больше не поднялся. Он никогда не одобрял политику нацистов, хотя и был патриотом Германии. Бабушка рассказывала, что ему не раз предлагали вступить в партию, но он всегда категорически отказывался. Дед был геологом, почётным членом Европейского Геологического Общества в Праге, много путешествовал, одно время жил где-то на Востоке. Когда отца, ведущего радио-инженера компании "Телефункен" демобилизовали на Восточный фронт, дед понял, что война проиграна. С того времени он перестал слушать Геббельсовскую пропаганду о возрождении нации и новом, всеильном оружии. Он умер от воспаления лёгких, не дожив до конца войны, мы похоронили его на нашем семейном участке церковного кладбища...

Петер сделал маленький глоток воды и и замолчал. Захар вдруг подумал о своих родных, сердце привычно похолодело. В эту минуту, Элиса накрыла его руку своей ладонью, от неожиданности Захар вздрогнул, холод медленно отступал.

- После войны, дом отобрали и мы с мамой переехали в Берлин. Вскоре она вышла замуж, - после паузы продолжил рассказ Петер, - её муж был кардиохирургом, очень высоким специалистом, таких в Рейхе, да и во всём мире, было напечёт. Не смотря на то, что у него был чин подполковника Вермахта, на фронте он никогда не был, служил не далеко от Берлина в Хеннигсдорфе, где заведовал военным госпиталем. В медицинских кругах Генрих Фон Диль, до сих пор пользуется завидным авторитетом, при том, что давно уже не практикует. Именно он привил мне любовь к медицине, занимался со мной, когда я учился в университете, помогал деньгами не смотря на то, что к тому времени уже развёлся с моей матерью. Генрих довольно часто ездил в Советский Союз, оперировал там кого-то из партийных боссов. В одной из таких поездок, пользуясь своими связями он разузнал, что мой отец умер в Лебедянском лагере НКВД для военнопленных №35, это где-то в Липецкой области...

Перевод давался Элисе не легко, она часто переспрашивала, путалась в названиях, долго подбирала нужное слово.

- Я плохо помню своего отца, в основном из рассказов бабушки, она не чаяла в нём души и не пережила, когда его забрали на фронт. У меня нет ни одной его фотографии, хотя мама рассказывала, что в доме Веберов был целый сундук набитый семейными документами и альбомами...

В этот момент Петера позвали из клиники, он извинился и ушёл. Вернулся он вместе с миловидной женщиной.

- Знакомьтесь пожалуйста, это моя жена Катрин, она немного знает русский язык.

Женщина перекинулась несколькими фразами с Элисой, протянула руку Захару и продолжила рассказ.

- Когда освободилась вакансия в этой клинике, Петер не раздумывая подал прошение о переводе, хотя в то время занимался научной работой на кафедре психологии Берлинского университета. Одна из причин, может быть даже самая главная причина- этот дом всегда притягивал его. Мы иногда просто приезжали сюда, что-бы провести здесь Wochenende...

- Выходные, - помогла ей Элиса

- Danke, именно так, выходные дни, - Катрин улыбнулась, - и ещё конечно Петер надеялся найти здесь семейный архив Веберов. Разумеется мы были счастливы, когда Министерство Здравоохранения утвердило перевод Петера в клинику. Здесь был непочатый край работы связанный не только с больными детьми, но хозяйственной и организаторской. Больше года заняло переоборудование здания, поиски нужной аппаратуры, подбор медицинского персонала. Нам много помог доктор Диль, кстати только недавно нам стало известно, что к этому переводу в Лейпциг, "приложил руку" именно он. Мы очень ценим его дружбу, он и сейчас изредка нас навещает...

- А архив? Вы нашли его? - не удержалась Элиса.

- К сожалению нет...

В беседе повисла пауза. Тишину прервал Захар:

- Петер, а эту фотографию вы помните? - с этими словами он вытащил из кармана рубашки круглую фотографию и положил его на край стола.

Петер мельком, как бы ища поддержки, взглянул на жену, затем осторожно взял в руки карточку и поднёс её к глазам.

- Мне несомненно знаком этот снимок. Больше того, он уже много лет висит на стене в моём офисе. Мама тогда специально заказала фотографу уменьшенную копию что-бы поместить её в стандартный армейский конверт, - Петер вдруг заволновался, - а откуда она у вас? И почему она круглая? Вы знали моего отца?

- Однажды ваш отец спас мне жизнь, - голос Захара едва заметно дрогнул, - а фотография круглая, потому-что он носил её вот здесь...

На ладони Захара лежал медальон Кёлера.

Петер бережно взял его в руки, потом аккуратно открыл крышку, поместил в неё фотографию и вопросительно посмотрел на Захара:

- Так?

- Приблизительно, - и добавил мгновенно осипшим голосом, - Эрик Кёлер просил передать это вам...

Дальше Элиса стала пересказывать Веберам историю и обстоятельства короткого знакомства Захара с майором Кёлером. Слушая рассказ, Петер не отрываясь смотрел на Элису и нервно теребил пальцами подбородок. Катрин тем временем взяла из руки мужа медальон и стала рассматривать его со всех сторон. Никто не обратил внимание на то, как Захар поднялся и медленно двинул к скамейке под грушевым деревом. Узкая кривая тропинка была

заботливо усыпанная белыми круглыми камешками. Возле фонтана он остановился, вытащил сигареты и тут же спрятал обратно. Затем он поднял с дорожки три белых камешка, присел на скамейку, закинул ногу на ногу и замер. Глядя на него со стороны, могло показаться, что он кого-то очень сосредоточенно слушает.

Захар вздрогнул от неожиданности, когда услышал голос Петера.

- Мне кажется вы знали моего отца лучше чем я, хотя были знакомы всего один день, - рядом с Петером, придерживая его за локоть, стояла Катрин.

- Может быть вы и правы. Настоящий характер человека, как правило проявляется в острых ситуациях, к примеру во время стихийных бедствий или военных действий. В таких случаях обычно нет времени на раздумья, что правильнее или что выгоднее. Именно поэтому любой шаг в критической ситуации, продиктован практически только совестью...

- Я вас понимаю...

- Ведь если-бы ваш отец тогда не спас меня, он мог бы выжить... Но я не думаю, он тогда размышлял об этом.... Тогда он спасал человеческую жизнь...

- Danke ihnen... Nehmen sie bitte - он протягивал Захару медальон.

- Мой муж хотел-бы, что-бы эта вещь по-прежнему оставалась у вас, - продолжала переводить Катрин.

- Я не могу это взять...

- Aber warum? Но почему?

- Дело в том, что кроме так-сказать сентиментальной ценности, этот медальон также имеет материальную цену. Поверьте я знаю о чём говорю, ваши внуки если захотят, продадут его в три раза дороже сегодняшней стоимости. Захар подождал пока Катрин перевела всё Петеру.

- Но ведь я вижу, как вам тяжело с ним расставаться, к тому-же фрау Ленц всё нам рассказала... Нам известно, что medaillon изготовил ваш Großvater...

- Да, но по заказу вашего...

- Мне кажется нам нужно поужинать вместе, а потом всё решить, - разрядила обстановку Катрин.

Механический клавесин тихо наигрывал одну из девятнадцати фуг Баха. Безжизненные звуки напоминали упражнения начинающего музыканта. На столе кроме разнообразных закусок, стояли две почти пустые бутылки Рейнского Рислинга, который немцы подают к каждой трапезе. Они ужинали в одном из самых известных Лейпцигских ресторанов "Ратскеллер", расположенном в сводчатом подвале башни замка Плайсенбург. Замок давным-давно разрушили, осталась лишь башня, напоминавшая о былом величии. Несмотря на выпитый Рислинг и приятную атмосферу ресторана, обстановка за столом всё ещё была немного натянута. Женщины нахваливали шеф-повара и уже подумывали о десерте, Петер задумчиво потягивал ароматное вино. В какой-то момент, Захар решил выйти на улицу подышать свежим вечерним воздухом. Город ярко освещали фонари и неоновые вывески многочисленных магазинов. Спугнув сонную стрекозу, он присел за свободный уличный столик, достал сигарету, похлопал себя по карманам в поисках спичек, а потом прикурил от свечи, плавающей в голубоватой вазочке.

Когда он вернулся к столу, все неожиданно притихли. Замолчал даже клавесин, по всей вероятности завод подошёл к концу. Повисшую в воздухе затянувшуюся паузу прервала Катрин:

- Мы хорошо подумали... Пожалуйста, оставьте медальон себе на память.

- Мне на память, ваш отец оставил мою жизнь... Этого мало?

Дослушав перевод Петер горько улыбнулся.

- Я вас понимаю и всё же очень прошу!

- Тогда я вам тоже кое-что подарю! На память... - Захар решительно повернулся, достал из внутреннего кармана висящего на спинке стула пиджака медаль “За Отвагу” и протянул её Петеру, - вот что я получил за смерть вашего отца!

Голос Захара сорвался на хрип. На него, как по команде, устремились любопытные взгляды всех сидящих в зале. Он резко встал, за ним с грохотом упал стул...

Элиса сняла номер в большом, красивой гостинице на выезде из города. Комната была идеально убрана, хотя немного пахла затхлостью, стена над кроватью была украшена рыцарским гобеленом, на широком подоконнике в высокой вазе, стоял букет слегка подвялых белых роз. Захар открыл стеклянную балконную дверь, в комнату ворвался свежий ветерок. Маятник на стенных часах в деревянном треугольном корпусе, безжизненно качнулся от сквозняка. Пока Элиса была в ванной, он включил телевизор. Все каналы транслировали выступление генерального секретаря компартии ГДР Эриха Хоннекера. Приглушив звук он спустился в бар за минералкой, а когда вернулся у него в руках кроме воды, была ещё плоская бутылочка “Асбах Уралт”. В комнате горел ночник, укрывшись махровой простынёй Элиса лежала в постели и равнодушно перелистывала журнал. Захар поставил бутылки на журнальный столик, наклонился и поцеловал её мягкие, пахнувшие малиновым вареньем губы.

- Знаешь Эля, - он разлил коньяк по чайным чашкам, - давай выпьем за тебя и за то, что мне кроме тебя никто не нужен!

- Danke, meine liebe... Я счастлива, что ты у меня есть!

Они не уснули пока не допили бутылку. Уже в постели Захар неожиданно спросил:

- Эля, помнишь ты хотела съездить в мой город?

- Помню, - она приподнялась на локте и заглянула ему в глаза.

- Поедем завтра?

Элиса проснулась посреди ночи. Открыв глаза она увидала, что лампа с прикроватной тумбочки переставлена на журнальный столик. Аккуратно, чтобы не скрипнул матрац, она приподнялась и села на постели, поджав под себя колени. Над столом заваленном частями от разобранных стенных часов, сгорбившись сидел Захар. В этот момент матрац предательски скрипнул. Захар оглянулся, виновато улыбнулся и шёпотом сказал, кивнув подбородком на столик: “Плохая примета...”

Лейпцигский железнодорожный вокзал, производил впечатление своим величием и монументальностью, на фоне относительно небольших городских строений. Полукруглый портик фасада опирался на огромные римские колонны, колоссальные арки, подпирающие стеклянную крышу, напоминали гигантские

спины сказочных драконов. На перроне Захара провожала Элиса. Петер тоже приезжал прощаться, но из деликатности уехал чуть раньше, оставив Захара с Элисой наедине. Вскоре дали первый свисток и пассажиры, вежливо раскланиваясь и уступая дорогу друг-другу, стали не спеша заполняли вагоны. Вдоль состава важно прошагал машинист в форменной фуражке с высокой тулей, блестящей кожаной куртке, пышных усах и бакенбардах. За ним маршировала бригада проводников и обслуживающего персонала электрички. Машинист иногда останавливался, пожимал руки пассажирам, угощал детей леденцами на палочке. Элиса ещё раз заботливо проинструктировала Захара о пересадке в Берлине. Поехать с ним она не могла, Михаэлю должны были делать какие-то серьёзные процедуры и она не хотела оставлять его одного. После второго свистка двери электрички безшумно закрылись и дав прощальный гудок, состав мягко тронулся с места.

Захар немного посидел, глядя в окно затем поднялся и отправился в вагон-ресторан. Все столики оказались занятыми. Из встроенных в потолок динамиков, звучала симфоническая музыка. Пассажиры в основном пили пиво, реже вино, тихо переговариваясь друг с другом. Оглядев все столики, Захар увидел свободный табурет за стойкой бара. Заняв его он заказал “Штернбург Пилс”, жестом указав на золотистую этикетку. Бармэн лихо откупорил бутылку и стремительно перелил её содержимое в высокую, стеклянную кружку. Захар сделал два больших глотка, достал сигареты и осмотрелся. Рядом с ним, улыбаясь друг другу пили пиво мужчина и женщина. Не успел он закурить, как бармен подвинул к нему пластмассовую пепельницу.

- А ведь вы русский? - Захар оглянулся. К нему обращалась сидящая рядом женщина.

- Да... Это так заметно?

- Я сразу узнала, - женщина улыбнулась, - сама не знаю как, но всегда узнаю соотечественников. Меня зовут Люба, Люба Гастенбаухен, - она протянула руку, а это мой муж Виктор, - она на французский манер сделала ударение на последний слог, - он не говорит по-русски, как я не стараюсь, но очень многое понимает...

У неё был низкий, грудной голос и очень наивный, беззащитный взгляд. Захар представился, пожал её тонкую сухую ладонь и наоборот полную, влажную ладонь её мужа.

- Вы здесь по-делам или на отдыхе?

- Наверное и то и другое, - Захар на миг задумался.

- А мы здесь живём...

Женщине было явно приятно говорить на родном языке. Она щебетала без остановки, а Виктор не сводил с неё своих больших голубых глаз. Казалось его радует звук её голоса. Вскоре освободился столик и они пересели за него. Виктор тут-же заказал для всех пиво и вайсвурст с маринованной брюссельской капустой.

- Нас привезли в Германию в самом конце 41-го, - рассказывала Люба, - мне было почти 11 лет, сестре Наде 15. Отца я плохо помню, в основном по рассказам сестры. Он был tierarzt, по-русски это значит доктор для животных...

- Ветеринар, - подсказал Захар

- Именно... Так вот однажды зимой, что-бы не умереть от голода, колхозники зарезали единственную корову. Люди выжили, а папу арестовали за то, что якобы корову зарезали с его разрешения. Потом был короткий суд, мне кажется я это помню, и мы больше никогда о папе не слышали. Мама, после этого долго болела и умерла от туберкулёза. Мы сперва жили у бабушки, а затем когда её не стало, с тёткой Машей, папиной двоюродной сестрой. Она была очень жадной и вредной, не пускала нас в школу, заставляла работать с утра и до ночи, кормила раз в день. Мы даже не знали, что идёт война, пока за нами не пришли солдаты... Можно сигарету?

Люба долго и неловко прикуривала, потом глубоко затянулась и сложив губы трубочкой с удовольствием выдохнула дым.

- Нас долго везли, дорога была действительно ужасной, все очень боялись, страх будто-бы летал в воздухе. В основном это были девочки-подростки из окрестных сёл, самой старшей из нас едва исполнилось 16 лет. Девочки, что помладше всю дорогу плакали, а старшие переживали, что нас везут в обычный бордель, для немецкой армии. В конце концов мы оказались на маленькой ферме не далеко от Бёрнерсдорфа. В Германии нам сразу очень понравилось, во-первых мы каждый день мылись горячей водой, во-вторых мы наконец-то были всегда сыты, в третьих мы стали ходить в школу. Ну это правда была не совсем школа, нас учил местный пастор, то-есть священник. Через несколько месяцев мы уже довольно сносно говорили на немецком...

Люба улыбнулась. Она вообще часто улыбалась и Захару это очень импонировало.

-А вот сейчас мы с Надей даже между собой разговариваем на немецком, иногда что-бы не обижать Виктора, иногда просто забываемся, знаете как это бывает...

Наде больше нравилось Божье слово, она даже стала петь в церковном хоре, а я любила точные науки, у меня тогда была отличная память, на которую впрочем я и сейчас не жалуюсь. Работали мы на ферме, работали много и тяжело, но не больше, чем все остальные. Кроме нас там было ещё четырнадцать человек, в основном немцы, но было и несколько чехов. Они обычно появлялись летом, когда работы было невпроворот. Время от времени на ферму приезжал хозяин, это был знатный господин, которого все любили. К его приезду всегда готовились, как к настоящему празднику, на кухне стряпали его любимые блюда, вокруг дома стригли траву, в саду подрезали деревья, управляющий готовил отчётные книги. Герр Гастенбахуен всем привозил подарки, не забывал он и нас с сестрой. А однажды, в конце войны он приехал на ферму с младшим сыном... - Люба с особой нежностью посмотрела на Виктора, - я думаю мы полюбили друг-друга с первого взгляда. Всю неделю Виктор не отходил от меня, мы гуляли по засыпанному снегом саду, он катал меня на автомобиле отца, мы даже целовались. Все вокруг хихикали, но Виктор был твёрд, как гранит и не обращал ни на кого внимания. Я помню как мне хотелось поделиться с сестрой своей радостью, но Надя к тому времени уже постриглась в невесты Христовы и жила в монастыре под Дрезденом. До приезда на ферму Виктор, как и вся немецкая молодёжь, собирался вступать в Гитлер-югенд. Его мозги был напрочь промыты нацистской пропагандой о единении нации и новом оружии возмездия. Герр Гастенбахуен уговаривал его

не делать этого, но уговоры были бесполезны. После недели проведённой на ферме, Виктор сам отказался от этой затеи. Отец вернулся в Берлин один, Виктор остался жить на ферме. Для нас это было самое счастливое время, мы почти не разлучались, везде держались вместе. На рождество Виктор подарил мне золотое колечко с продолговатым рубином, которое когда-то принадлежало его бабушке. Это было первое украшение в моей жизни, я до сих пор не видела ничего прекраснее. Но к сожалению оно не сохранилось, я потеряла его и с того времени больше не ношу колец, даже обручального... - Люба с грустью посмотрела на свои руки, - я до сих пор с грустью вспоминаю о нём... Вы меня понимаете?

- Я понимаю... - в тон ей повторил Захар.

- В конце февраля 45-го года Герр Гастенбаухен в последний раз приехал на ферму. В этот раз было не до праздничных встреч. Он собрал всех работников на площадке перед домом, произнёс короткую речь, а потом каждому по-очереди пожал руку и вручил конверт. В конверте были английские фунты, бундес-марки тогда уже ничего не стоили. Когда все разошлись он попросил разжечь камин в кабинете, позвал Виктора и плотно закрыл дверь. Они долго беседовали, затем экономка позвала меня. Я не знаю о чём Виктор говорил с отцом, когда я вошла оба они были покрасневшие и не смотрели в сторону друг-друга. Вечером того-же дня мы все вместе уехали в Дортмунд. Я думаю Герр Гастенбаухен согласился взять меня с собой из страха потерять второго сына, брат Виктора воевал у Роммеля и пропал без вести в Марокко...

Рассказ Любы прервал механический голос динамика.

- Через 10 минут Дрезден. Вы бывали в Дрездене?

- Бывал, - Захар усмехнулся.

- Надеюсь посетили галерею Старых Мастеров?

- Несомненно!

- Gut, а сейчас извините Герр Пандир, нам ещё нужно вернуться в вагон забрать свои вещи. Кстати не могу припомнить при каких обстоятельствах, но я уже когда-то слышала вашу фамилию, - Люба потёрла пальцами висок, силясь вспомнить, - кажется от Нади, она как-то упоминала... Нет, не вспомню, а сама ещё хвалилась хорошей памятью, видите сглазила... Но в любом случае, мне было очень приятно с вами познакомиться. Всего вам доброго и счастливого пути!

- Один вопрос, Фрау Гастенбаухен, - Захар остановил Любу.

- Пожалуйста...

- Как вы оказались в ГДР?

- Всё просто... День рождения моей сестры 13 августа. По традиции каждый год этот день мы проводим вместе. В 61-м году в этот день, точнее ночь, Берлин разделили стеной... - Люба очередной раз улыбнулась, хотя в этот раз в её глазах блеснула грусть, - сегодня кстати 13 августа...

Через пять минут вагон мягко остановился у перрона Дрезденского вокзала. На платформе Захар увидел пожилую, сухопарую монашку. Близоруко щурясь, она всматривалась в выходящих из вагонов пассажиров. Внезапно покрытое сеткой тонких морщин лицо монахини осветила счастливая улыбка...

На перроне три осипших динамика, мешая друг-другу орали популярную песню:

“...Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой...
В каждой твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин - в тебе и во мне...”

Вокзал вызвал в нём волну противоречивых чувств. Всё вокруг было одновременно до боли знакомым и чужим. Поезд, разогнав обедавших на шпалах воробьёв, двинул дальше на Восток, оставив Захара одного на узкой, заплёванной семечками платформе. Возле спуска в подземный переход, на низкой скамейке, пригревшись на солнышке, согнув в коленях ноги и подложив под голову кулак, сладко спал бомж. Захару вдруг показалось, что он узнал в этом человеке героя Революции, обладателя наградного “Буре”, милиционера Василия Цыбуленко. Он не стал его будить, а только аккуратно сунул в оттопыренный карман его замусоленной рубашки несколько фиолетовых купюр. Центральный зал вокзала напоминал купол цирка-шапито. Яркие мозаичные панно на стенах рассказывали приезжим о гражданских подвигах и трудовых буднях горожан. В ржавом туалетном зеркале, рядом со своим лицом Захар увидел лицо деда.

- Ты становишься похожим на меня, - усмехнулся старик.

- И не только внешне, - в тон ему ответил Захар, поправив светлые волосы с редкой сединой.

- Ты знал, что я буду тебя здесь ждать и поэтому приехал?

- И поэтому тоже...

Воздух возле кирпичного завода пах сырой глиной, несколько сердобольных старушек кормили голубей, разбрасывая по асфальту хлебные крошки. На стене у проходной висела гранитная, мемориальная доска: “Здесь работал первый коммунист нашего города Роман Пацюк”

Теперь ноги вели Захара обратно от вокзала к синагоге. Там где раньше находилась пекарня Гройса, сейчас был гастроном “Дары Украины”. У боковой двери магазина двое рабочих в серых комбинезонах неторопливо разгружали грузовик с умопомрачительно пахнущим, ржаным хлебом. Хвост прокачивающейся от нетерпения очереди обвивал газетный киоск и заканчивался на трамвайной остановке. Захар вспомнил, как мама рассказывала ему, что такого вкусного хлеба как выпекают здесь, нет нигде в мире. Это из-за артезианской воды, которую качают в город из глубоких подземных колодцев.

Он помнил этот город каждой клеткой своего тела. Казавшаяся раньше гигантской водонапорная башня, теперь была маленькой и ветхой. На этом рынке мама покупала продукты, а этот ивовый скверик был излюбленным местом стариков. Здесь обсуждались свадьбы и юбилеи, разводы и похороны, то-есть все самые важные городские новости. Захару чудилось, что он узнаёт лица и голоса прохожих. А вот и та самая площадь. Здесь сейчас всё торжественно и нарядно, в центре под охраной двух солдат горит Вечный Огонь. Отец и дед не любили это место и всегда обходили его стороной, они рассказывали, что именно здесь пьяные матросы жгли книги.

Неожиданно, будто натолкнувшись на невидимую стену, Захар остановился. На месте их разрушенного дома, стояло кирпичное трёхэтажное здание с неоновой вывеской “Дом Быта”. Захар остановился, достал из кармана три белых круглых камешка и аккуратно положил на краешек крыльца. Потом отошёл чуть в сторону, до синевы в костяшках сжал кулаки и беззвучно заплакал. Прошло десять минут, а может два часа, Захар перестал следить за временем. Ему не хотелось уходить, здесь было легко и мирно, ему показалось что он испытывает давным-давно потерянное или забытое чувство гармонии.

- Пойдём посидим в тишине, - Захар услышал из-за спины тихий голос деда и резко вздрогнул, тряхивая оцепенение.

Синагога ещё больше вросла стенами в землю. Захар смотрел на это видавшее виды здание, как на старый застывший сон. С виду это был не большой, чистый дом с позеленевшей жестяной крышей. Вдоль оштукатуренных стен росли молодые рябины, с обеих сторон от входной двери, был разбит газон с жёлтыми георгинами.

- Дед, а знаешь почему у церквей и мечетей есть своя архитектура, а у синагоги нет? Точнее в дохристианские времена была, а вот сейчас, да ещё и в диаспоре почти исчезла.

- Наверное из-за страха, - предположил старик.

- Действительно из-за страха быть узванными...

Главный зал синагоги располагался в полуподвальном помещении, под потолком было несколько окон едва пропускающих дневной свет. На стенах горели электрические светильники стилизованные под свечи. И хоть в миру стоял конец августа, здесь было прохладно и немного сыро.

Захар сидел в самом последнем ряду, рядом с ним чуть сгорбившись и заложив руки за спину, вперёд-назад ходил дедушка:

- В Иерусалим мы въехали поздней ночью и остановились в заезжем доме на окраине города. На утро вычистив свою одежду, мы с братом отправились на поиски его университетского товарища Бориса Гольдберга. Ясмينا сперва хотела идти с нами, а потом передумала и осталась в комнате. Чувствовала она себя получше, но всё ещё не так хорошо, что-бы ходить пешком целый день. Перед тем как уйти мы принесли ей воды, пищеничный лаваш с брынзой и свежей зеленью и горсть её любимых сушёных фруктов, купленных на маленьком рынке прямо за забором. Яшиного товарища, мы нашли достаточно быстро и даже застали его дома. Нам повезло, он жил уже в другом месте, а не по адресу указанному в письме. Сюда-же он вернулся за книгами и ещё кое-какими вещами, которые не смог забрать раньше. Они с Яшей обрадовались встрече, бросились обниматься и перебивая друг-друга расспрашивать об знакомых. Затем мы помогли ему собрать вещи и перенести их по-новому адресу. Перекусив в арабской кофейне, известной в округе фитирами со сладким сыром, мы не мешкая отправились в иешиву, где преподавал Берл (он попросил называть его этим именем). Берл без остановки рассказывал в какое правильное время мы оказались в Эрец-Исраэле и сколько интересных людей сейчас здесь находится. В его речи то и дело проскальзывали имена Гесса и Герцля. Мой брат внимательно слушал, иногда задавал вопросы. Берл говорил о трудностях первых поселенцев, об

возрождение и объединение народа на его исторической родине, об идеях создания национального государства.

Мне было откровенно скучно его слушать и я незаметно выскользнул на улицу. То, что я видел до сих пор ужасно разочаровало меня. Узкие кривые улицы были завалены мусором над которыми роились тучи мух, в воздухе постоянно стоял запах гниющих фруктов, на пустырях между домами шлялись стаи бездомных собак. На улице было огромное количество людей, казалось они говорят на всех существующих языках. Я стал прислушиваться и когда услышал русскую речь, остановил двух женщин. Они сперва испугались, а потом выслушали меня и обстоятельно всё объяснили. Оказывается это ещё только пригороды города. Когда я вернулся к кофейне брат уже ждал меня на улице. Только теперь мы направлялись в Старый Город, причём по-словам Берла он собирался провести нас через знаменитые Яффские ворота. Вскоре Яков и Берл, так и не успев вдоволь наговориться, скрылись в иешиве в поисках каких-то книг или документов. Я договорился с ними о месте и времени встречи и отправился гулять по городу. Не успел я отойти на десяток шагов, как меня догнал Берл и сунул в руку несколько больших, серебряных монет.

Солнце стояло в зените, прямо над каменным куполом мечети Аль Акса. Ультрамариновое небо висело необычно низко, мне казалось что если я поднимусь на любую из многочисленных крыш, то смогу достать рукой до солнца. Чем ближе я подходил к Храмовой Горе, тем теснее становились улицы. В некоторых местах я мог расставив руки коснуться одновременно двух стен на противоположных сторонах. Из книг я знал, что в древности ширину улицы здесь определяли размером мулла нагруженного двумя мешками, по-одному с каждого бока. На одной из покосившихся колон двухтысячелетней давности, к которой ржавой проволокой был небрежно прикреплен газовый фонарь, я прочёл вырубленную в камне надпись "MARK MAXIMUS". Видимо военная служба не обременяла римского солдата и от безделья он выдолбил в камне своё имя.

В какой-то момент улица свернула и пройдя через короткий тоннель я оказался на круглой, мощёной булыжником площади. В центре её была водонапорная колонка к которой тянулась извилистая очередь. На площади оказалось множество маленьких лавочек торгующих всем на свете. Рядом со мной два усатых грека бойко торговали простенькими украшениями из серебра, сразу за ними с крохотного лотка продавались восточные сладости. Чёрный, как сажа араб завёрнутый в клетчатую куфью, бесконечно прославляя Аллаха зазывал покупать разложенные на ковре янтарные четки и расписанные вязью кальяны. Улыбчивый толстый армянин заросший по глаза колючей щетиной, продавал свечи, мыло и цветные карандаши. Бледный молодой человек в сером сюртуке выставил на ящике несколько икон, лики на них чем-то напоминали его самого. Чуть дальше на широком прилавке были разложены шляпы разных фасонов и форм. Я остановился их рассмотреть. Неожиданно ко мне обратился хозяин лавки.

- Бритии? - я отрицательно покачал головой, - френч, грик? Дойч? Руссит?

- Да, - обрадовался я.

- Хотите приобретать головной убор? – решительно произнёс полиглот с сильным акцентом.

- Нет, я просто смотрю...

Он нахмурился, сдвинув на переносице брови, лохматые как новорожденные верблюжата.

- Мужчина должен иметь голова накрытый шапо, - он на миг запнулся и подобрав в уме нужные слова тут-же закончил мысль, - что-бы не забывать разни́ца между человек и Бог!

Я задумался над его словами, а он тем временем достал из вороха шляп маленькую, цветную ермолку и протянул её мне:

- Презент!

Немного побродив между лотками, я двинул в сторону Стены, она будто магнитом тянула меня к себе. Я много читал ней и даже видел на открытках, но теперь мне предстояло увидеть её воочию. Из-за огромного скопления людей и тесноты улочек, передвигаться было трудно, кроме того моя сумка с альбомом всё время за кого-то цеплялась. Кругом жались друг к другу постройки времён Византийской Империи. Фасады даже маленьких зданий были украшены греческими пилларами и портиками, выбитые на каменных стенах надписи на латыни и римские цифры означали то-ли дату постройки, то-ли номер дома. Внезапно позади меня раздался колокольный звон, через мгновение с противоположной стороны протяжно запел муэдзин. Я сделал ещё несколько шагов, свернул за угол высокого дома и передо мной открылась Стена. Она оказалась на много выше, чем я себе представлял. Стена заступала собой солнце и большую часть неба. Нижняя часть состояла из гигантских камней древней застройки, эти глыбы укладывались каменотёсами Царя Ирода. Верхняя часть состояла из камней поменьше и была достроена в средние века. Глядя на остатки легендарного Иерусалимского Храма Соломона у меня на миг перехватило дыхание и я присел прямо на землю. Возле меня тут-же возник какой-то седой старик. Колокола и пение сразу затихли.

- Я вижу ты пришёл сюда из далека, - он положил мне на затылок почти невесомую ладонь, - так не теряй времени путник.

Когда я смахнув наваждение пришёл в себя вокруг не было ни души. Я сидел на брусчатке, облокотившись спиной на цоколь дома. У моих ног из земли торчал сухой, покрытый жёлтой пылью кустик.

Я зачарованно ходил вдоль Стены, касался её пальцами, прислушивался к собственному сердцу. Для меня, как и для каждого кто здесь находился, эти древнейшие на земле руины были самым святым на земле местом. Оба раза Храм был разрушен в один и тот-же день в наказание за грехи идолопоклонничества, кровопролития, за беспричинную междоусобную вражду. По-преданию западная стена второго Храма была построена бедняками на собранные ими деньги. Люди работали на строительстве круглые сутки и кроме труда, вложили в эту стену часть своей души. Поэтому во-время разрушения и последовавшего за ним пожара, с неба спустились ангелы и спасли её со словами: "Стена эта не будет разрушена никогда, ибо она есть душа народа Богом избранного" С тех пор все попытки восстановить Храм Господень кончались неудачами. Из-за пролитых здесь слёз божьих избранников, руины получили название Стена Плача.

Давным-давно превратился в прах иерусалимский песчаник из которого были выстроены стены Храма Соломона. Давно растаял в небе дым от сожжѐнных кипарисов и ливанских кедров, коими были отделаны внутренние убранства дома Господня. Давно уже в бездонных Ватиканских хранилищах погребены главные иудейские святыни- две каменные скрижали Завета, данные Моисею Богом, золотая чаша с манной небесной, которая питала еврейский народ во время сорокалетнего скитания по пустыне, расцветивший жезл Аарона, жертвенник всежжения, золотая Менора, да и много всего... Давно уже распахана святая для каждого иудея Храмовая Гора, на которой после Великого Потопа, совершил первое жертвоприношение Ной. Здесь-же, что-бы доказать свою преданность Богу, Авраам чуть не убил своего любимого сына Исаака. Всё это осталось только в книгах и легендах, а Стена Плача, как пожелали небесные ангелы, будет до скончания мира...

Дед замолчал. В помещении повисла глухая тишина. Безмолвие длилось целую вечность. Захар тоже молчал, он любил тишину. Как всё-таки она приятна на слух. В какой-то миг она проходит сквозь тебя, придавая ощущение лёгкости движениям и мыслям. В тишине легко работать и приятно отдыхать, в тишине пишутся бравурные марши и патриотические стихи, в тишине зарождается и заканчивается жизнь.

- Я рисовал пока не стемнело, напрочь позабыв о том, что договорился встретится с братом. Когда запыхавшись, я прибежал к Яффским Воротам, брат уже нервно расхаживал сложив руки за спиной. Увидев меня он с облегчением вздохнул и даже не стал выяснять причину моего опоздания. Я был жутко голоден, но мы решили всё-таки сперва вернуться в заезжий дом. По-дороге я не выдержал и купил три дружские лафы с овощами и толчёными орехами. Свою я проглотил сразу возле лавки, обильно полив её оливковым маслом. Увидев как она исчезла из моих рук, Яша тут-же отдал мне свою...

Если в Старом Городе кое-где ещё горели газовые фонари, то здесь улицы освещались только лунным светом. Но и его было достаточно, луна висела на расстоянии протянутой руки. Ясмина ждала нас у ворот, она сидела на скамейке, накинув на плечи тонкое одеяло, двумя руками обняв округлившийся живот. Прямо над её головой в небе ярко горели звѐзды. Брат присел рядом с ней, взял её ладонь в свою руку и поцеловал. Они немного поговорили, Ясмина рассказала, что днём немного погуляла по округе, зашла в мечеть. Город ей показался тесным, дома строились чуть ли ни один над другим, тогда как вокруг было полно свободных, прекрасных холмов, покрытых оливковыми садами. А вот люди ей показались благодущными и добросердечными, хотя и шумными. Разговаривли они очень громко, будто ругаясь, при этом бурно размахивали руками. Яша вдруг вспомнил, что мы принесли ей лафу, но она отказалась, сославшись на то, что её покормила хозяйка дома, приятная женщина Розалия с целым выводком детей-погодков и пьяницей мужем.

Утром мы проснулись от того, что в комнату вломился бодрый и растрѐпанный Берл. Он приехал помогать нам с переездом. Ещё вчера вечером мы решили, что поживѐм в его бывшей квартире, которая находилась ближе к Старому Городу, к тому-же была уже оплачена на два месяца вперѐд. Переезд занял несколько часов. Оставив Ясмину и Якова раскладывать вещи, я отвѐл

пустую арбу запряжѐнную нашим мулом, хозяйке заезжего дома. Не успел я въехать во двор, как на меня налетела целая свора босоногих детей. Я познакомил их с нашим Шаломом и отправился на кухню к Розалии пить кофе с кунжутной халвой, карамелью и мѐдом.

Каждый день Берл и Яков уходили с самого утра и возвращались ближе к вечеру. Тем временем мы с Ясминой замечательно проводил время. Утром, пока ещё было не жарко мы пили кофе и гуляли по лабиринтам запутанных переулков Старого Города, где любая стена, каждый угол дышали вековой историей. Кто только не хозяйничал в этом городе, воюющие между собой иудейские племена и македонский царь Александр Великий, Римляне, и Византийцы, Арабский халифат и крестоносцы, монголо-татары и Османская империя. Все они так или иначе оставили здесь следы своего правления. Однажды Ясмина отвела меня в мусульманские храмы Аль-Акса и Омара, расположенные на плоской вершине горы Мориа, издревле почитаемой всеми религиями, как центр мира. Внушительный купол Аль-Акса нависал над руинами Храма, как скала грозящая раздавить его своей тенью. В мечети Омара Ясмина показала мне часть каменного утѐса с которого, как сказано в Коране, Магомет вознесся сквозь семь небес к трону Аллаха. Много позже я узнал из Талмуда, что за долго до ночного путешествия исламского Пророка, с этого камня началось сотворение мира. Как-то раз возле Русского Подворья мы наткнулись на моторную коляску. Не взирая на жару, вокруг этого чуда техники собралась изрядная толпа любопытных горожан. За рулѐм важно сидел бородатый священник в кожаной кепке и рясе с православным крестом на золотой цепи. Мотоколяска нервно вздрагивала и время от времени выстреливала в воздух ядовитые облака голубоватого дыма. Это был первый русский мобиль изготовленный на экипажной фабрике Фрезе, по образцу экспериментального “Вело”, Карла Бенца. По-словам водителя коляска разгонялась до 20 вѐрст в час.

Обычно к обеду мы возвращались домой, по-дороге покупая на рынке рис, овощи, рыбу, вообще всякую снедь. Потом Ясмина ложилась немного отдохнуть, а к вечеру готовила настоящий ужин. Дождавшись брата и Берла мы садились за стол. Берл был большим любителем и знатоком местного вина и каждый раз приносил на пробу разные сорта.

Вскоре я стал замечать, что некоторые изменения в настроениях брата. Теперь возвращаясь домой он не гулял как раньше с Ясминой, а до ночи читал разные брошюрки, которыми его снабжал Берл. Я как-то раз из любопытства стал листать одну из них, оставленную братом на столе. В ней коротко пересказывались страдания народа за последние пять тысяч лет, а потом в основном звучали патриотические призывы к национальному движению, объединению и возрождению нации в Эрец-Исраэле. Там было столько всего, что я отложил её, прочитав выборочно несколько страниц. Всё связанное с политикой, интересовало меня в последнюю очередь.

В один из дней, брат решил меня взять с собой. Мы направлялись к бывшей синагоги Рамбана, в которой вот уже пятьсот лет никто не молился. Остатки этого древнего здания, были кое-как заколочены досками, крышу подпирало неотѐсанное бревно. Насквозь пропахшие резким кисломолочным запахом помещение делилось на две части, в большей по размеру производили

сыр и сметану, в меньшей размещалась торговая лавка. У перекошенного забора нас ждал Берл, он подал знак и мы следуя за ним спустились в глубокий подвал под синагогой. Там он зажгёт три толстые свечи, раздал их нам и по запутанным, сводчатым ходам мы двинули вглубь. И Берл, и Яша здесь прекрасно ориентировались, очевидно по этому подземелью они путешествуют не первый раз. Дорога заняла четверть часа, в конце концов мы вышли в довольно большой зал забитый ящиками с книгами. Через круглые вентиляционные решётки установленные в стенах под самым потолком, пробивались слабенькие лучи дневного света. На первый взгляд здесь царил хаос, но немного разобравшись я увидел, что все ящики были подписаны и разделены на секции в которых каждая книга имело своё место. Рукописи и свитки хранились в отдельных коробках.

- В этой библиотеке, - нарушил тишину Берл, обращаясь ко мне, - есть рукописный Танах, которому больше четырёхсот лет, поэтому будь повнимательнее с свечами...

Я не успел ничего ответить, моё внимание привлекла отделившаяся от стены тень, которая тут-же превратилась в худого седобородого старика. Бесшумно ступая, он почти вплотную подошёл ко мне и близоруко сощуривая прозрачные глаза, стал внимательно разглядывать моё лицо. Затем он медленно обошёл вокруг меня и протянув руку провёл ладонью по моим давно не стриженным волосам.

- Младший Пантира имеет больше сходство, - отступив на несколько шагов прошептал он дрожащими губами.

Тем временем Берл достал из заплочной сумки и разложил на столе свежие питы, зелень, узелок соли и глиняную бутылку вина. Пока мы ели, старик не сводил с меня глаз.

- Это книгохранилище и есть первая молельня Рамбана, - покончив с вином объявил всеведущий Берл.

- А почему она находится в подземелье?

- Потому что по ранним мусульманским законам, иудейские молитвенные дома не могли строить выше магометанских. Вот и прятались по-подвалам да погребам, - с досадой добавил он.

Хранителя книг звали Йосеф Штерн. Он любил эти книги душой и сердцем, оберегал их от сырости и плесени, защищал от крыс, мышей и разных насекомых, стерёг от воров. Они давно уже стали частью его жизни, в них он находил смысл бытия, из них черпал силу, ими укреплял знания. Получив в своё время блестящее светское и религиозное образование в Лондоне, Штерн вернулся в Иерусалим и долгие годы сперва изучал Талмуд, а потом преподавал в иешиве. Он в совершенстве владел несколькими языками, разбирался в геометрии и астрологии. Обращаясь к нему, Берл почтительно называл его Рав.

- В те времена выражение “Сын Божий” несло в себе скорее аллегорический смысл, - Йосеф Штерн говорил тихо, почти шёпотом. Что-бы его услышать приходилось напрягать слух, - и всем было понятно, что человек которого так называли, не имел родства с Всевышним. Обычно так обращались к не имеющим пристанища сиротам или безобидным уличным бродягам. И не удивительно, что так называли Иисуса, он был бессребреником, ходил по

деревням, ремонтировал мебель, никого не обижал, если что и зарабатывал, то деньги раздавал нищим и попрошайкам, вообще ничего дурного не делал. Тогда по дорогам святой земли в поисках обиженных и не довольных, слонялось не мало самопровозглашённых пророков. Вскоре и Иисус стал проповедовать, некоторые его слушали, некоторые гнали со двора, но большинство равнодушно проходили мимо. И хотя говорил он простым языком, что-бы понять предположим, что царствие небесное- внутри человека, нужно быть даже не мудрецом, но философом. Я пожалуй соглашусь, что он был одарён, необычайно умён и намного обогнал своё время, но вместе с тем допустил одну роковую ошибку, присвоив себя титул Божьего Сына? И случись это не в Иудее, а любом другом месте, и восстань он не против иудаизма, а против скажем ислама, тех-же Греческих Богов или даже языческого истукана, его участь была бы так-же печальна...

Рав закашлялся, попил воды и продолжил:

Впервые я прочёл это у римского философа-платоника Цельса. Вероятно эта запись появилась в его дневниках, в последней четверти второго века во время путешествия по Финикии. Записанное им предание гласило, что Иисус родился в иудейской деревне от местной женичины Мариам и от римского легионера по-прозвищу Пантера. Легионер был родом из Греции, имел талант к искусству рисования, прозвище своё получил за храбрость в бою и из-за светлых волос, собранных на затылке в хвост. На греческий выговор прозвище звучало, как Пандира. Независимо от дневников Цельса, через какое-то время я натолкнулся не это-же предание в Вавилонском Талмуде, где Иисус назван не иначе как "Иашуа бен Пандера" другими словами "Иисус сын Пантеры". Тогда получается, что человек которого распяли на кресте был на половину римлянин. Можно предположить, что Понтий Пилат как-то разузнал, что земным отцом Иисуса был римский солдат. Не по этой ли причине безжалостный и жестокий префект Иудеи, на совести которого бесчисленные казни невинных людей, вдруг так покровительствовал Иисусу... Йосеф на долго замолчал, в подземелье отскакивая от каменных стен, всё ещё летал его шёпот.

Из книгохранилища мы выбрались поздней ночью. Распрощавшись с Берлом, мы молча шли обдумывая услышанное.

- Я остаюсь здесь, пока Ясмина не родит, - не глядя на меня без предисловий сказал Яков, - а тебе пора возвращаться домой.

- А когда вернёшься ты?

- Не знаю...

Брат так никогда и не вернулся. Одно время мы получали от него письма. Яша работал в госпитале, кроме-того вместе с Берлом, они стали учениками Штерна и ходили с нему толковать Талмуд. Ясмина родила девочку, которую назвали Орна. Её фотографии мы так и не дождались, начавшиеся мировые войны полностью парализовали международную почту.

Захару грезилось, что он спит, положив голову на тёплые мамины колени. Монотонный голос деда растаял в тишине. Захар открыл глаза и резко встал, смахнул невидимые пылинки с рукава пиджака и направился к выходу. У двери он оглянулся, комната была пуста, только короткие шторы, укрывающие

ларец со свитками Торы, легко шевелились словно от сквозняка. У двери стоял Рав Зимберг, Захар сразу узнал его, казалось годы обошли его стороной. Они встретились глазами. Рав тоже узнал его.

- Ты вернулся домой, Сын Божий!?

При этих словах Захар вздрогнул будто от сильного электрического разряда, достал из кармана медальон Кёлера, прощаясь взглянул на него и протянул священнику...

Вернувшись на работу первым делом Захар попросил Леночку добыть ему греко-русский словарь. Расторопная секретарша быстро выполнила странное поручение. Немного полистав его, Захар удовлетворённо откинулся на спинку удобного кресла, заложил руки за голову и закрыл глаза. Чуть ниже слова “*πάνθηρα*” (пантера), он наткнулся на слово “*παρθενος*” (партэнос), что в переводе значит “девственница”. С большой долей вероятности, “пантера” может быть искажением греческого слова “девственница”. Исходя из этого выражение “Сын Пантеры” можно так-же толковать, как “Сын Девственницы”.

**Igor Sapozhkov / Золотое Дьло ©
February, 2009
New York
igrec@myway.com**